

Виктор Тетерин

Экстремист

Хроника придуманной жизни

Виктор Тетерин

**Экстремист. Хроника
придуманной жизни**

«Издательские решения»

Тетерин В.

Экстремист. Хроника придуманной жизни / В. Тетерин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740406-2

Психологический роман о человеке и революции. Молодой человек приезжает из провинции в Москву, чтобы «делать революцию». А дальше? Что было дальше — вы узнаете, прочтя эту книгу.

ISBN 978-5-44-740406-2

© Тетерин В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Экстремист

Хроника придуманной жизни

Виктор Тетерин

Моим родителям посвящаю.

«Мишуя разговоры – потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, – я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предрешении судеб человеческих на тысячи лет вперед на бумаге, тогда как деспотизм тем временем будет глотать жареные куски, которые вам сами в рот летят и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге?»

Ф. М. Достоевский, «Бесы».

© Виктор Тетерин, 2019

ISBN 978-5-4474-0406-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Я беру в руки два проводка и соединяю их. Раздается взрыв и все взлетает на воздух – куча земли, пыли и мусора и посреди всего этого – эта ненавистная машина, «бэха» седьмой серии с Президентом внутри. В меня стреляют охранники, высыпавшие из остановившегося джипа, ехавшего за «бэхой», и, конечно же, попадают – я и не думаю скрываться, меня прошивают десятки пуль, я умираю – но я счастлив. У меня счастливая улыбка на губах, какие генерал П. Грачев видел у умирающих солдат в Чечне – я выполнил свой долг. Все плывет, качается, я куда-то заваливаюсь, падаю.

Внезапно я просыпаюсь. Я лежу в вагоне поезда, который едет в Москву. Смотрю на часы – «три» ночи, в купе темно, повсюду в вагоне слышны всхлипы, стоны, чье-то бормотание во сне. Я осматриваюсь, нахожу книгу К. Гамсуна «Виктория», которую читал перед сном – она завалилась под подушку. Читать все равно темно, и я смотрю в окно. Там, под бесконечный стук колес поезда, проносятся темные кусты и деревья, столбы с проводами, иногда – освещенные прожектором переезды, с дорогой, перегороженной шлагбаумом, одинокой будкой и каким-то постоянным треском в воздухе. Я закрываю глаза.

Что толку смотреть, если за окном всегда и везде одно и то же – разруха, голод, нищета. Или по контрасту – жирные особняки нуворишей, развлекательные центры, дорогие машины, обгоняющие поезд. Как у Гришковца: куда в России не приедешь – везде одно и то же. Я думаю о революции. Рано или поздно она все равно случится – и тогда все изменится. Чем скорее – тем лучше. Но сначала я должен снять свой фильм.

Я еду в Москву поступать в институт кинематографии. Во ВГИК. Желание стать режиссером появилось у меня недавно, четыре года назад, в десятом классе школы, но я сразу понял, что никем больше мне быть неохота. Все остальное слишком банально и непривлекательно. А если не банально – то опасно и, по большому счету, неинтересно.

После школы я некоторое время проболтался у себя дома, подрабатывая на различных временных халтурах. В армию меня не взяли из-за проблем со здоровьем, да я и сам в нее особо не рвался. Пытался учиться в местном университете на юриста, но бросил учебу через год, поняв, что никогда не смогу работать по этой специальности. Что мне будет неинтересно работать по этой специальности.

Москва с утра оглушила меня огромным количеством машин, людей, механизмов. Все это было невозможно представить там, в моем небольшом городе, но именно таким городом Москва и должна была быть. В общем, она не обманула моих ожиданий.

Москва воспета многими русскими писателями, да почти всеми – начиная от Пушкина и кончая Сорокиным. Мне же она больше всего понравилась в описании Проханова – такое странное мистическое место, находящееся на пересечении множества силовых линий мировой и российской политики, место, где царят различные призраки тьмы и света, некий пуп истории. Теперь мне предстояло познакомиться с реальной Москвой.

У меня был с собой отличный сценарий. По нему можно было снять такой криминальный фильм, наполненный черным юмором и, одновременно, аллюзиями на различные культовые фильмы не менее культовых режиссеров – Феллини, Антониони, Вендерса, Трюффо и прочих. В общем – абсолютно синефильское творение, которое казалось мне чем-то сверхгениальным. По крайней мере, ничего подобного я на экране еще не видел. Что-то отдаленно похожее было, пожалуй, только у Дэвида Линча в фильме «Малхолланд-драйв».

Так мне тогда казалось. Впрочем, гениальных сценариев, как я теперь предполагаю, существуют тысячи, но лишь немногим из них предоставляется возможность быть воплощенными на киноплёнке. Может быть, конечно, рано или поздно... Но не будем забежать вперед событий.

Я приехал в институт, его адрес был записан у меня на бумажке. Найти улицу Вильгельма Пика, а на ней святилище науки удалось не сразу, но кое-как, общими усилиями (моими и прохожих) я все-таки нашел его. Признаться, практически со священным трепетом я вошел под его своды – для меня это был храм высшего искусства, ну и конечно – возможность выбиться в люди.

Я сдал документы в вступительную комиссию и взял направление в общежитие. Так начался новый этап в моей жизни, этап, который рано или поздно начинается в жизни любого человека, а именно – когда он начинает вести самостоятельную жизнь, окончательно уйдя из родительского дома.

Все вокруг было в новинку мне, все казалось необычным и полным предзнаменований великого успеха, который ждал меня. Как странно – это ощущение, вероятно, было у многих из нас, но почему же мы так редко о нем вспоминаем? Может быть, не хотим признаться себе, что попросту просрали свою жизнь?

Впрочем, все оказалось намного прозаичней. Москва – это такая огромная жопа, попавший в которую человек пропадает навсегда. Хотя, конечно, смотря, что понимать под этим – «пропадает». Материально он может жить намного лучше, чем раньше.

Общага на улице Бориса Галушкина встретила меня не с распростертыми объятиями. Вот я с трудом (опять же) нахожу это здание. Ничего удивительного в этом, конечно, нет – ориентироваться в Москве, как и в любом мегаполисе, очень трудно даже коренным жителям. Здание общаги было самым обычным, по крайней мере, для меня. Какой-нибудь писатель девятнадцатого века, естественно потратил бы на подробнейшее описание этого строения страниц пять текста, проводя различные сравнения, пускаясь в рассуждения на темы жизни и философии и т. п. вещи. Слава Богу, сейчас не девятнадцатый век и я не буду тратить ваше драгоценное время на такие мелочи. Скажу только снова – ничего примечательного в этом здании не было.

Точно так же, как и снаружи, ничего примечательного не было и внутри. Потратив полдня на процедуры заселения в общежитие, к концу дня я уже немного осмотрелся в нем и понял, что, как говорится, «могло быть и хуже». В том смысле, что жить можно.

Соседи мои были такие же, как и я, абитуриенты. Одного звали Илья, другого – Игорь. Илья поступал на сценарный, а Игорь – на продюсерский. Он поступал на платный, и поэтому не парился. Илья поступал на «бюджет», но тоже не парился, потому что поступал в пятый раз и относился к результату философски.

Впрочем, это все было вполне нормально.

Сдавали экзамены трудно. Я не ожидал таких сложных вопросов, хотя, может быть, меня планомерно заваливали. Самое же главное препятствие оказалось в том, что я не достиг определенного возраста и жизненного опыта, которые были необходимы для поступления в институт. Обладание этими достоинствами было негласным условием для возникновения самой возможности быть зачисленным в ряды будущих режиссеров, что, на самом деле, и правильно. Вот только в тот момент я еще не знал об этом.

В общем, это был провал. Меня не было в списке поступивших. Конечно, я уже был готов к этому, предполагал это, но все равно – меня как будто ударили обухом по голове. Что теперь делать – я абсолютно не представлял.

Я огляделся вокруг – стоял обычный солнечный день. Даже слишком обычный. В общем-то, ничего страшного ведь не случилось – просто один из миллионов российских абитуриентов узнал, что он не поступил в университет. Только и делов-то – никто ведь не умер, и не родился.

Уезжать из Москвы мне не хочется, и я бесцельно брожу по городу, обдумывая возможные варианты развития событий. В середине лета в Москве все кажется таким интересным и любопытным – тебе, приехавшему из далекого городишки.

Но вот я иду по Арбату. Потом уже я понял, что это обычный рассадник бомжей и всяческих паразитов, называющих себя неформалами, но тогда я не обращал на них внимания. Арбат ослепил меня всем сразу: своими продавцами сувениров на улицах с их разношерстным товаром, уличными музыкантами, наигрывающими абсолютно разные песни – от Земфиры до барда Никитина, эклектикой зданий и ресторанов по бокам улицы, праздной толпой народа – в общем, всем своим духом свободы и независимости. Мне хочется остаться в этом сильном и красивом городе.

Ближе к вечеру я встречаю двух людей, одетых в косухи. Так как я уже выпил две бутылки пива, то легко соглашаюсь на их приглашение распить еще бутылку портвейна, и все вместе мы идем в магазин. Потом мы распиваем эту бутылку в каком-то переулке, мои новые знакомые оказываются очень вежливыми и начитанными людьми, мы обсуждаем с ними творчество Борхеса и Маркеса. Потом мы берем еще две бутылки портвейна, к нам присоединяются несколько новых почитателей Бахуса, и мы продолжаем общаться. Кончается это все тем, что мы едем на какой-то «флэт», как выражаются мои новые знакомые, продолжать распитие спиртных напитков. Выйдя из метро где-то на окраине Москвы (как мне показалось), мы, спустя 15 минут ходьбы, попадаем в засанный подъезд «хрущевки», а оттуда – в какую-то квартиру на пятом этаже. Происходящее дальше в этот день я помню смутно. Все это так интересно и ново для меня – до этого в жизни я не встречал никаких неформалов, и теперь мне было любопытно узнать, что это за люди.

Сначала они показались мне чем-то альтернативным всеобщему упадку официальной культуры в стране. Впрочем, очень быстро я разочаровался в них. Жизнь этих людей состояла из долгого трепа на абсолютно однообразные темы: музыка, бабы и стимуляторы, постоянным также было пьянство.

Все это общество, конечно же, знакомо всем читателям Сорокина, Пелевина и Стогова – по большей части, оно и состоит из таких читателей. Бесцельное существование этих людей, конечно же, лучше тупого существования среднестатистического обывателя, но лучше в интеллектуальном плане, в умственной загруженности, а не в смысловом отношении, конечно же. Мне пришлось подстраиваться под их философию существования – в противном случае я рисковал остаться в полной изоляции, потому что такие андеграундные группы принимают только «своих». Я превозмогал себя и смеялся над глупыми шутками «друзей», тусил с ними по каким-то дешевым кабакам и пельменным, при этом часто мы просто пили на улице. В почете у нас было обсуждать новые книги модных авторов, при этом, все равно – через губу и презрительно; ходить на премьеры артхаусных фильмов, только из-за того, что это не «голливудское дерьмо»; искать по несколько дней подряд по всяким «секондам» какие-то редкие тряпки альтернативного дизайнера; окружать себя всякими экзотическими вещами, типа курильниц и настоящих вьетнамских циновок – только потому, что это «не как у всех». Больше всего же меня раздражало в них какое-то почти незаметное презрение к обычным людям, какой-то снобизм, тщательно скрываемый обычно, но от этого еще более заметный. Почему, какое право они имели ставить себя над другими людьми, притом что, кто они – какие-то алкоголики, какие-то неудачники, честно говоря. Как в фильме Бертолуччи «Мечтатели», у них был только один путь – в дальнейшее прозябание и прожигание жизни, бесцельное, направленное лишь на собственное существо. И, как и в том же фильме, в условиях жуткой ситуации в стране в целом, я не мог долго оставаться в стороне от всех этих разрушительных процессов. Я понимал, что живу не так, я колебался, но никак не мог сделать окончательный шаг, чтобы уйти из этой компании.

Там же я познакомился с одним человеком. Среди всех этих усталых от жизни пьяниц и неврастеников он выглядел довольно необычно. Среднего роста, коренастый, с короткой стрижкой. Мне сразу понравилось что-то в его наружности, что-то настоящее, от чего я уже успел отвыкнуть в Москве.

На первый взгляд это был обычный человек. Что-то в нем незаметно притягивало и располагало к себе, так что мы быстро стали друзьями.

– Серега, – протянул он руку. Рукопожатие было крепким, что говорило о твердости характера. Вообще, по тому, как выглядел этот человек, я заключил, что он отличается от всей компании, и было странно, что он тут делает.

– Как дела?

– Нормально. Пьешь? – сказал я, протягивая ему бутылку портвейна.

– Нет, – он даже поморщился.

– А что так?

– Не хочу помогать Западу.

Мне стало интересно. Что же он – из «идейных»?

– При чем тут запад?

– А они у нас и так уже весь народ споили. У них цель такая.

– А в СССР что же – не пили?

– Пили, но меньше.

Я рассказываю своему новому знакомому о своей мечте снять кино. К моему удивлению, он не стебается над моей идеей-фикс, как большинство ранее встреченных мною людей.

– У каждого человека должна быть мечта. Твоя вполне нормальна, – отвечает он на мой немой вопрос.

Станный, странный человек этот Сергей.

Мы долго говорим с ним. Он рассказывает, что он москвич, но москвичей не любит, а на вопрос – чем он занимается, ответил, что учится в строительном ПТУ. Почти как Венедикт Ерофеев. Мне интересно, как он попал в эту компанию. Его ответ был довольно уклончив, но я понял, что он ищет людей для какой-то политической организации, борющейся с властью.

Мне становится очень интересным наш разговор, потому что я сам давно искал какую-нибудь возможность для того, чтобы что-то изменить в нашей стране, положение в которой мне активно не нравится.

Через какое-то время после начала нашего разговора мой новый знакомый уже успел выпить, несмотря на свои заверения в идейной трезвости, а я уже давно был пьян. Естественно, разговор, а затем и спор наш разгорается все сильнее и сильнее. У нас в стране любят поспорить на темы, связанные с будущим России, искать рецепты ее спасения и поднятия с колен. Особенно часто (да, практически всегда) спорят на эти темы, приняв на грудь. Справедливости ради стоит сказать, что дискуссии эти практически вечны и нисколько не изменились за последние двести лет, начало их можно отыскать еще во времена западников и славянофилов – и всегда эти споры заканчивались и заканчиваются ничем. Впрочем, это не мешает нам снова и снова начинать долгий и тягомотный разговор «за жизнь» и с пеной у рта доказывать своему оппоненту практически то же самое, что он также истово пытается доказать тебе.

К слову сказать, очень часто в таких обсуждениях всплывает понятие «патриот». Конечно, оно уже давно затаскалось по митингам и дем. газеткам, но необходимо все же отметить, что само слово «патриот» никогда не было ругательным в нашей стране, такую окраску ему пыталась придать кучка либеральных политиков в начале 1990-х, но у них этого не получилось. Потому что у нас в стране (как и в любой нормальной стране) не любить родину считается просто неприличным. Все остальное – извращение понятий или предательство. Но это так, к слову.

Продолжался наш с Сергеем диалог, как водится, до утра, в ходе него я все-таки узнал, что Сергей – нацком, член национал-коммунистической партии, впрочем распространяться он об этом больше не стал, хотя мне и было интересно. Потом, ближе к обеду, немного протрезвев, я хотел продолжить наше общение, но оказалось, что Сергей встал раньше меня и уже уехал. Почему-то мне стало грустно – казалось, что наконец-то я нашел тот, правильный путь по которому мне уже давно нужно идти. Хорошо, что я записал телефон Сергея – может быть, еще пригодится.

Наверное, единственное, что меня останавливало в то время от окончательного ухода в радикальную политику – это страх перед возможными последствиями такого шага. Я не одинок – это то, что останавливает огромное количество неудовлетворенных людей в нашей стране. Да, они живут плохо, очень плохо, но тем не менее... Старики привыкли к этому и у них уже нет сил для того, чтобы начать реальную борьбу за свои права, они могут только выходить на улицу и митинговать, митинговать, митинговать... Каждый раз ничего не добиваясь и каждый раз расходясь домой удовлетворенными тем, что выпустили пар. Люди среднего возраста обременены семьей, работой и прочими обязательствами, им некогда митинговать, все их время уходит на выживание. Молодежь, самая радикальная и пассионарная часть общества, в массе своей пассивна и далека от политики. Тем не менее, довольно большая ее часть все же настроена очень оппозиционно по отношению к власти, но почти все чего-то опасаются. Кто-то боится быть отчисленным из университета, кто-то боится сесть в тюрьму, кто-то боится быть искалеченным. Все опасаются репрессий со стороны власти. «Пусть уж как-нибудь без меня власть поменяют, а я пока займусь карьерой или просто зарабатыванием денег», – так они думают. В общем, вывод напрашивается один – нужно быть абсолютно безбашенным, чтобы заниматься радикальной политикой в современной России. И тем важнее, что кто-то ею все-таки занимается.

В общем, я боялся. Это было даже странно, так как, по большому счету, мне нечего было терять. И все же, что-то меня останавливало.

В это время я неожиданно для себя стал заядлым театралом. Я никогда не любил всю эту театральную фальшь, какие-то выпененные слова, натужные позы, театральные маски – а ведь именно таким я представлял себе театр. Но однажды вечером мы с моими богемными друзьями пили портвейн на Арбате и какой-то полужнакомый человек (а когда пьешь алкогольные напитки на Арбате, то почти всегда появляются какие-то незнакомые люди, с которыми ты тут же становишься друзьями) предложил пойти на дипломный спектакль в «Щепку».

Естественно, мы пошли. На самом деле, все эти театральные дела, выдуманные диалоги меня мало волновали. Жизнь всегда намного интереснее, думал я. И все же – мне было любопытно.

Вот он – этот знаменитый театр «Щепка» при училище им. Щепкина. Спектакль по классической пьесе Островского «Гроза». Кажется, что все уже давно известно – луч света в темном царстве, Катерина утопится, все будут страдать и просветляться. Что тут может быть интересного? И все же, в какой-то момент, абсолютно незаметный для тебя, возникает эффект воздействия, когда твоя душа начинает сопереживать тому, что происходит на сцене. Это удивительная, необъяснимая вещь.

Что-то похожее происходит, когда ты пишешь. Надо заметить, что я всегда, еще с самого детства, любил писать буквы и складывать из них слова. Из слов складывались предложения, из предложений – абзацы. Так рождался текст. И вот тут уже для меня наступал момент абсолютного удивления, какого-то священного трепета – как это получилось? Не знаю. Некоторое время назад я прочитал одну новость из мира науки – какие-то исследователи установили, что способность человека к литературному творчеству определяется всего лишь определенным устройством коры головного мозга. Что-то там должно быть развито у всех писателей каким-то

совершенно одинаковым образом. Как просто! Всего-то устройство мозга – и тысячи тонн словесной руды отменяются. Для меня это, конечно, не стало открытием, но все же. Было странно.

Ну вот, мы пришли в театр. Все расселись, посмеиваясь и заранее подшучивая над актерами и спектаклем. Залец маленький, народу полно, естественно – очень душно. Наконец занавес поднимается – и началось. Поначалу мне ничего не нравилось, я по-прежнему относился к спектаклю с некоторой долей иронии. Но потом... Это было что-то невообразимое, словно состояние какое-то религиозного экстаза охватило меня. Вот она – жизнь, передо мною. Жизнь нормальных настоящих людей, с настоящими эмоциями, проходит перед моими глазами. Как же раньше я не мог понять, прочувствовать это искусство – по-настоящему великое искусство, если оно позволяет на таком давно знакомом материале сотворять это грандиозное ощущение жизни! Люди, человеки проходили мимо меня, охватывали меня своим горем, своею радостью – своею жизнью, короче говоря. И я тоже радовался вместе с ними, переживал вместе с ними, жил вместе с ними. Как же это было неизъяснимо приятно.

Но все когда-нибудь кончается, и этот спектакль, конечно, закончился. Мне казалось, что я сейчас заплачу, какой-то комок горечи стоял у меня в горле.

Конечно, это было просто первоначальное впечатление от спектакля, усиленное тем фактом, что в театре я не был еще со школы. И, тем не менее, это впечатление навсегда осталось во мне. Что-то сдвинулось в моей душе и изменилось.

Среди всех актеров, игравших в этом спектакле, мне почему-то больше всего понравился своей игрой какой-то невзрачный паренек, игравший сына Кабанихи. И хотя роль его была не главная, но как он играл!

Я был в шоке. Кто в наше время ходит в театр? Все сидят в инете, или смотрят новые блокбастеры. А тут... тут. Это было что-то невообразимое. Я не знаю, как это объяснить. Я не мог не подойти после спектакля к этому актеру. Он оказался довольно коммуникабельным человеком, и мы легко нашли с ним общий язык.

– Слушай, Диман, – этого актера звали Дима, – как ты можешь вот так жить на сцене? Ведь это же жизнь, самая настоящая жизнь, как мне кажется!

Он посмотрел на меня немного удивленный моим вопросом, но все же решил ответить откровенно.

– Понимаешь. Это сложно объяснить. Сначала все нормально, все обычно. Ты репетируешь что-то, учишь текст, расположение актеров на сцене. Все это просто обычная работа. Но вот я стою на сцене, и во мне возникает какое-то новое чувство, понимаешь? Я уже не я, я другой человек. Блин! Я не знаю, как это назвать.

Он заметно разволновался. Хорошо, что все-таки в нашей стране остались не одни идиоты.

– Не волнуйся, я понял твою мысль, как мне кажется.

Я отошел от него. Все-таки прав был старик Шекспир: весь мир – театр, а люди в нем актеры.

Я понял, что можно любить искусство, и не быть при этом «богемным» персонажем. Что нужно жить для искусства, а не презрительно наблюдать за ним.

С этого вечера я все больше и больше стал отходить от своих «друзей». Странная ситуация, в которой я оказался, не могла продолжаться слишком долго.

Глава 2

И все же, серьезные изменения в моей жизни произошли не сразу. Первое время мне нужно было выжить и зацепиться в Москве, найти заработок и жилье. Этим я и занялся.

Сначала я, хотя и не поступил в институт, жил в общежитии ВГИКА. Там я вписывался у Ильи, который все-таки смог с пятой попытки покорить неприступный институт. Позднее, когда я стал иметь более-менее постоянный заработок, я стал снимать комнату в одной рабочей общежитии, хотя, конечно, денег, чтобы снимать ее одному, мне не хватало и приходилось делить комнату с соседями. Жил я в общежитии, конечно же, нелегально, но вполне налаженной жизнью. Через какое-то время в такой моей жизни наступила даже какая-то упорядоченность.

Источники доходов в это время у меня были абсолютно разные. Первое время продавал хот-доги в Александровском Саду. Работа была идиотская, но что делать. Приходилось круглый день стоять в куртках, в которых мы напоминали пингвинов, и впаривать мороженое и хот-доги. Работал я таким образом несколько месяцев – весну и часть лета. В этом году в то время, когда я работал, как правило, было холодно, и довольно быстро ты весь замерзал, точнее – промерзал насквозь. Приходилось бегать греться в подсобку, которая была расположена под центральным входом в Кремль, но слишком часто это делать было запрещено, так что за день я успевал промерзнуть настолько, что не успевал согреться и до следующего дня. В общем, все это мне скоро надоело, платили мало, но хоть что-то, ведь профессии у меня ещё не было никакой. Кроме того, были у меня и другие подработки, в основном временного характера.

Вообще говоря, это был калейдоскоп всевозможных занятий, какие только возможны в мегаполисе для человека без высшего образования, не стремящегося активно преступать закон. Так, с осени я работал сборщиком макулатуры: ездил на «Бычке» с двумя «коллегам» по домам спальных Коньково и Братеево и приставал к людям с просьбами сдать бумагу. Старушки принимали нас за пионеров и приносили целые кипы старого дерьма.

На следующий год летом, я устроился работать промоутером, раздавал призы в обмен на всякие наклейки и этикетки, был одним из безымянных героев маркетинговых войн. Осенью я продавал книжки в «Олимпийском» – там, где ярмарка книг. Устроился по знакомству, но проработал только до ноября, когда наша фирма благополучно скончалась. В декабре я устроился на работу продавцом видеокассет и DVD в отдел, находящийся в одном из супермаркетов. Там я сидел в уголке, и часами смотрел разные фильмы. Конечно, работа мне нравилась – можно было заниматься любимым занятием (смотреть фильмы) и при этом получать деньги. Я пересмотрел множество фильмов, но мало какие из них серьезно задевали меня – в основном, это была тупая жвачка для дебилов. Что ж, и она помогала протянуть время до утра (работал я по ночам). Днем я обычно отсыпался (если не надо было никуда ехать) и ближе к вечеру собирался на работу, общаясь с соседями.

Продавцом видеокассет я проработал до августа следующего года. В августе уволился и съездил на Черное море. Мне было все равно где отдыхать, лишь бы это было недалеко от моря. Методом тыка я оказался в небольшом поселке под Новороссийском. Там было хорошо, но не более. Тем не менее, уезжать оттуда не хотелось.

После возвращения в Москву я пропьянствовал весь сентябрь, в октябре стал совершать какие-то телодвижения, но почему-то меня никуда не брали. Сказывалась, конечно, нехватка опыта и наглости. В общем, в декабре мне пришлось снова устроиться в прежнюю фирму продавцом видеокассет. К тому времени я уже давно понял – что за дурацкая организация была в моей фирме. Из продавцов выжимали все силы, заставляя их работать по 12 часов, и при этом платили за работу копейки. Впрочем, на продуктовом рынке, наверное, эксплуатируют ещё больше.

Когда я снова устроился в свою старую фирму, появилась хоть какая-то определённая и какие-то деньги. Вообще хотелось стабильности. Всё шло более-менее хорошо, только вот в начале марта меня выгнали с работы. Впрочем, я и сам бы ушёл, так мне всё там надоело. Просто случай такой подвернулся. Мы тогда работали с одним моим хорошим знакомым из общаги, на одной торговой точке. К нам прислали нового напарника, и сразу начались пропажи кассет, какие-то недосдачи. Мне-то это было привычно, а вот моему знакомому нет. Причина конечно была ясна – этот вот новый напарник. Впрочем, и не совсем новый – он работал до этого 3 года в нашей конторе и был там хорошо знаком всей этой шайке руководителей фирмы, с кем-то пил, в общем, отношения у него с ними были хорошие. Кто оказывается, крайним в такой ситуации? Естественно, крайними оказались мы с другом. На нас всё «повесили», знакомого просто выгнали, а меня перевели в запас, и предложили поставить продавцом на другую точку. Конечно, мне это не подходило, и я уволился, можно сказать – «громко хлопнув дверью».

Я снова был безработным. Для меня это состояние было привычным, и я несколько не парился, проедая и пропивая оставшиеся деньги. О цели приезда в Москву я старался не думать, обычно у меня это получалось. И все-таки течение моей жизни в нынешнем ее виде меня все больше не устраивало.

Иногда я снова пытался окунуться в богемную жизнь, но постепенно делал это все реже и реже. Мне надоела вся эта бесконечная череда пьянок и бессмысленного трепы, все эти неформальские приколы, я хотел чего-то большего. Как-то вдруг оказалось, что на общение с «богемой» у меня теперь не было времени, да и желания особого тоже. Но замена этому была не намного лучше – я с каждым днем все больше погружался в трясины «обывательщины», все меньше старался реагировать на внешний мир, отгораживаясь от него размеренным существованием.

Распорядок жизни у меня был таков – днем я, если мне не надо было на работу, сидел в интернете, вечерами – смотрел фильмы на компе или бухал. Если работал ночью – все было так же, менялось лишь время суток. Все. Иногда читал какие-нибудь книжки модных авторов. Так живет очень много людей в Москве, и их это вполне устраивает. Меня это тоже какое-то время устраивало. Все идет по накатанной колее, не надо ни о чем думать, будет день – и будет пицца, как говорится. Не надо ни о чем думать – вот, что очень важно, вот к чему привыкаешь очень быстро. И это ужасно.

И все-таки в человеке заложено ощущение какого-то правильного и нужного направления, пусть он даже и глушит это ощущение всеми возможными способами, иногда оно все-таки прорывается. Так и мне в какой-то момент стало казаться, что жизнь проходит зря.

Пока я не мог решиться радикально изменить жизнь, но внутри меня бродило это ощущение неудовлетворенности самим собой, оно медленно превращалось в какой-то новый продукт, созревало в мысли, которые приводили к четким и явным выводам. А выводы были таковы – нужно срочно что-то менять, иначе я рисковал остаться среднестатистическим обывателем, обычным человеком. Конечно, это не так уж и плохо, но я не видел себя в этой роли. Я же хотел что-то сделать для страны, для своего народа, изменить его жизнь к лучшему. А что теперь? Я прожил уже два года в Москве, но за это время в моей жизни ничего не изменилось. Даже отмазка насчет снятия фильма уже не «канаает», так чего же я жду?

Возможно, мои революционные настроения подогревались и тем, что личной жизни у меня в этот период никакой не было – ни в прямом, ни в переносном смысле, как говорится. Так, случайные бабы, с которыми я знакомился в интернете, иногда дешевые проститутки на час. Таким образом, хотя кому-то это и покажется смешным, у меня была дополнительная серьезная причина для того, чтобы ненавидеть мир.

Почему же так получалось? Если упрощенно рассматривать причины моего одиночества, то они таковы. Я не мог знакомиться с московскими девушками, потому что у меня не было

денег. Вот и все. Тупо и прямо. Не было денег на период ухаживаний, не было денег на то, чтобы посидеть в кафе, мне и на самого себя-то часто не хватало, элементарно на еду! Конечно, многие скажут, что они знакомились и жили со своими подругами вообще без денег, но мне такая девушка в тот момент так и не встретилась. К тому же у меня был какой-то психологический барьер, который не позволял мне просто так встречаться с кем-то, без хотя бы какой-то минимальной культурной программы, а денег на эту программу не было. Я не мог ничего предложить своей избраннице, а принимать знаки внимания от нее – этого я вообще не мог допустить. Так что ситуацию мою вы можете себе представить. К тому же вокруг была Москва, с ее кричащими рекламами, с ее гламурным раем, с ее безумно дорогими машинами и квартирами, посреди которой находился такой лузер, как я. Была и еще одна причина, может быть, самая главная для меня. Я не хотел, чтобы та, с которой я познакомлюсь, могла бы подумать о том, что я хочу от нее прописки, жилплощади и т. д. Сама мысль об этом была для меня невыносима. А ведь так думают, пусть невольно, обо всех приезжих, которые знакомятся, флиртуют, женятся на москвичках. Мне этого всего было не надо, и я не мог допустить, чтобы кто-то так обо мне думал. Это было очень важно для меня.

Конечно, я был такой не один, да и девушки бывают разные, очень многие из них сами приезжие, и у них тоже почти никогда не бывает денег, так что можно было найти себе вариант при желании, но... Я так ничего и не нашел.

А жизнь продолжалась. Как правило, она запоминается какими-то эпизодами, какими-то моментами, которые застревают в памяти. При этом вовсе не обязательно, чтобы это были самые яркие или самые важные моменты твоей жизни, очень часто ты помнишь какие-то абсолютно ненужные или случайные события, которые происходили с тобой.

В какой-то момент ненадолго я снова стал жить в общежитии ВГИКа на улице Бориса Галушкина, или Ганнушкина, как мы его называли. Мы курили в коридоре. Илья говорит о новой рэп-группе под названием Face to Face.

– Слушай, это просто улет. Я знаю оттуда чувака, у него погоняло Noize MC. Реальный пацан, без понтов абсолютно. А музон у них просто чудовой. Погоди, я тебе поставлю.

Илья забегает в комнату и врубает музыку у себя на компе. Слышится довольно профессиональная считка, что-то там про трудную судьбу наркоманов. У меня похмелье и с утра трещит голова, но я вежливо улыбаюсь и говорю: «Да, клево», чтобы сделать Илье приятно. Потом ухожу в комнату и ложусь на кровать лицом к стене.

Мне все надоело, все обрыдло и опротивело. Эта жизнь, которую я веду в последнее время – она невыносима. Конечно, иногда я думаю, что это все так и должно быть. Как любят говорить у нас в стране: все как у людей. А чего ты хотел? Нет, чего ты хотел? Явно не этого.

О том, чтобы снять кино, в это время я уже не думал. Я смотрю на эти стены, засранные общежитные стены и я их ненавижу. Просто ненавижу! И я больше не могу этого терпеть.

Это была абсолютная депрессия. И что меня тогда спасло от самоубийства? Смешно сказать – я боялся, что родители расстроятся из-за моей смерти. Кроме того, не хотелось умирать, имея какие-то деньги в кошельке. Странно. Так всего лишь триста рублей спасли мне жизнь. И еще. В какой-то момент приступ депрессии был очень сильным, и я совсем уже собрался покончить с собой. Вдруг, когда я вышел на балкон, я случайно взглянул на небо. Я вспомнил все ужасы гибели планеты от космических опасностей, и то, как я боялся раньше за все человечество и за свою жалкую жизнь. А тут сам собрался покончить с этим всем, собрался совершить само-убийство. Мне стало смешно, я хохотал несколько минут.

Эта жизнь... Она никогда тебя не удовлетворяет, никогда, чтобы ты не делал. Конечно, возможно на какой-то короткий срок ты становишься доволен чем-то, а потом... Кажется, еще Ницше говорил, что человек счастлив только в момент коитуса и разрядки сексуального напряжения, все остальное время он несчастен. Впрочем, что-то такое было еще у Аристотеля.

И я ходил по городу один... всегда один. Естественно, мне не хватало женской ласки и сочувствия, хоть и все бабы сволочи. Кроме того, не хватало чего-то еще. Это был какой-то этап моего становления, как мне сейчас кажется. Я вспоминал все старые мои «любви», и понимал, что это все было не то. И что теперь, в данный момент я абсолютно одинок. Никто не позвонит на мобилу, не позовет в гости. Никто. Мне в буквальном смысле не хватало воздуха, воздуха любви. Того вещества, без которого жизнь в двадцать два года невозможна и бессмысленна. Но что же? Знакомиться можно везде – на улице, в метро, в клубах, в университете. Но ведь нигде ты не знаешь – любовь это или нет. А ошибка – это больше, чем ошибка. И потому – зачем рисковать? Ведь когда-нибудь все твоё знакомство перерастет в серьезные отношения, нужно будет делать штамп в паспорте, рожать детей – я на самом деле тогда так думал. Ничего этого мне было неохота. Охота было каких-то чистых отношений, настоящей любви, но объектов для нее я вокруг себя не видел. Конечно, у меня были завышенные требования, и в жизни все не так, но попробуйте поверить в это в двадцать два года. Кроме того, были и другие причины моего одиночества, о которых я писал выше.

И вот, я же понимаю, что эта жизнь, твоя жизнь проходит мимо тебя. Просто проходит. В принципе, она же должна проходить, так или иначе. Таков закон жизни. А у тебя она проходит вот именно так. И когда ты смотришь на других людей, ты понимаешь, что у них, наверное, все точно так же. Точнее – у большинства из них. Потому что, богатые люди – это другая каста со своей жизнью. Но и тебе, и богатым хочется, чтобы жизнь была разной – ты хочешь знакомиться со всеми красивыми девушками, которых ты встречаешь за день; хочешь легких, необязательных отношений с ними; хочешь жить одновременно и в Лондоне, и в Париже, и в каком-нибудь Урюпинске – потому что везде есть своя жизнь, пусть отстойная, пусть дурацкая, но своя! И в каждом городе, в каждом селе девушки пойдут вечером под ручку с парнями гулять по улицам родного населенного пункта, а потом – что будет потом, каждый волен представить в меру своей фантазии. И ты хочешь одновременно всего этого, ощущать все это, но ведь это же невозможно! Потому что у тебя своя жизнь, а у миллионов миллионов других людей – своя. И это правильно.

В какой-то момент я понимаю, что дальше так продолжаться не может. Нужно что-то сделать, как-то изменить накатанное течение жизни. Да и накатанное-ли? Разве это нормальная жизнь, когда ты пьешь каждый день и не имеешь никакой цели существования. Наверное, все-таки нет.

А пил я, к этому времени, действительно довольно много. Каждый день я пил пиво, обычно пару-тройку бутылок, кроме того, временами (и постепенно все чаще и чаще) я уходил в запой, когда мы пили по несколько дней, а иногда – и больше недели. Пили со мной мои знакомые, студенты из общаги ВГИКа, ну да для студентов это привычное состояние, учиться все равно все начинали только ближе к сессии, а вот мне приходилось увольняться с работы, искать какие-то подработки, временные халтуры. Меня все это вовсе не смущало, но я никак не мог найти ответа на свои вопросы, а водка нисколько не помогала. С водки, как в песне Высоцкого, было похмелье, Верки не было, да и что с нее взять. Все это тянулось около полу-года, пока в один прекрасный день, проснувшись утром с дикого бодуна, я вдруг не почувствовал с абсолютной ясностью, что, в общем, мои нервы уже на пределе, и нужно немедленно что-то кардинально менять. Оставаясь в Москве, я бы никогда не вырвался из этого круга, и как старый актер, заучивший на всю жизнь лишь одну роль, продолжал бы играть и играть только ее. И я решил уехать. Куда – мне было не важно. Хотя, нет. Домой я возвращаться не хотел, там все было бы еще хуже. Тогда куда? Я прислушался к себе – хотелось куда-нибудь на юг.

Когда я приехал на вокзал, то почему-то вспомнил, что я никогда не был в Крыму. А почему бы и нет? Стоял август, говорят, там нормально в это время года и вино недорогое. Билеты я взял на Симферополь.

В тот момент я не думал о доме, родных и друзьях. За время пребывания в столице я почему-то забыл о них. Зачем вспоминать то, с чем ты хочешь покончить, как мне тогда казалось. В общем, я не знаю.

Глава 3

Ехал я около полутора суток, в дороге читал нового Пелевина, общался с соседкой – пожилой женщиной, ехавшей в какой-то санаторий. Мы ехали на «боковухе», мое место было сверху, и это меня вполне устраивало. На некоторых станциях я выходил купить себе пиво, потом стоял с бутылкой на перроне, отхлебывая из нее и дожидаясь отправления поезда. Везде было одинаково, за исключением окружающей природы, которая, пусть и медленно, но неуклонно изменялась по мере продвижения нашего поезда на юг, все более и более напоминая мне о каких-то впечатлениях из детства, когда я ездил на море с родителями.

Крым. Это целый материк. Точнее и не скажешь. Да я и не собираюсь. Добравшись до Симферополя, я выхожу из вагона. Небо пугает своей чистотой и высотой – неужели так бывает на Земле? Оказывается, бывает.

Все крымские пейзажи давным-давно описаны русскими писателями-классиками, и с тех пор в них мало что изменилось. Только на дорогах появились автомобили, немного поменялась архитектура городов, и в некоторых местах около дороги появились синие кабинки биотуалетов.

В Симферополе я гуляю по центру города. Это такой советский городок, который, хотя и приобрел немного черт коммерческой жизни во внешности своей, но внутри остался все тем же советским городом. Так, по крайней мере, мне показалось в те четыре часа, что я там был.

Впрочем, Крым все-таки – мистическое место, и все в нем проникнуто каким-то особым настроением. Нужно только лишь уметь его чувствовать. И вот я ходил по этому обычному советскому городу, в первый раз в своей жизни – но, что это были за ощущения! Словно я попал не в соседнюю и дружественную нам страну, а куда-то на другую планету. Крым загадочен, словно восточная красавица, это место, в котором по-настоящему соединяются и сливаются друг с другом Восток и Запад, недаром здесь понамешано столько народностей и просто – случайных людей, осевших в этом благословенном уголке после своих долгих скитаний по миру.

Но вот уже и вечер, и мне пора садиться на автобус. За 15 гривен он должен довезти меня до Коктебеля, куда я решил направиться еще по дороге сюда. Почему именно Коктебель? Не знаю, кто-то что-то раньше мне про него говорил, да и вся эта поэтическая атмосфера, дом Волошина, в общем...

Через три часа поездки по пустынному пространству Крыма я добрался до Коктебеля, на пляже которого, немного в стороне от основной массы купающихся было разбито несколько палаток, в которых жили т. н. неформалы, приехавшие отдохнуть у моря «дикарями». К вечеру я уже вписался в палатку к одному из местных «аборигенов», угостив ее хозяина «травой», которую купил здесь же, на пляже.

Среди всей этой хиппоты была какая-то необычная девушка. Странно, сначала я не обратил на нее внимания. Я наслаждался солнцем, морем и песком. Человек вообще довольно примитивное и ограниченное существо. Например, я часто живу прошлым – то есть мысли мои заняты тем, что я вспоминаю какие-то события, которые были в моей жизни. При всем при этом вокруг стоит приятный теплый день, поют птицы, ходят красивые, полуобнаженные от жары девушки. А мысли заняты всякой ерундой. И вот ты, понимая это, пытаешься что-то изменить в своей голове, жить настоящим моментом, тем, что происходит сейчас – и в этот же момент понимаешь, что-то теряешь. Что жить настоящим моментом – это тоже плохо. Это значит превратиться в обычного жителя мегаполиса, главным принципом которого является «не париться». Понимаете, не париться! То есть – не задумываться. Плыть по течению. Воспринимать жизнь, такую как она есть. И все. А вот так, чтобы одновременно и не париться,

и в то же время – постоянно ощущать в себе прошлое, накопленный опыт жизни – так я не могу. Да и никто, по-моему, не может.

Впрочем, это все лирика. Я обычный человек, решивший рассказать о своей жизни, вот и все.

Ну, тогда продолжаю рассказывать. После первоначальных ярких впечатлений от Коктебеля (который действительно прекрасен), все снова стало превращаться в рутину. Казалось бы, я так хотел изменить свою жизнь, что специально ради этого уехал за тысячи километров от Москвы. Но, как говорится в замечательном советском фильме «Афоня»: «От себя-то убежать можно, а вот от милиции не убежишь». В данном случае, конечно, имеется в виду моя внутренняя милиция, моя совесть, если угодно. Конечно, она не была удовлетворена простым побегом от обстоятельств, если это вообще можно было назвать побегом. Требовались реальные действия, какие-то поступки, за которые не было бы стыдно, но я ничего не делал, я просто приехал отдыхать.

Ну, так чем же я занимаюсь все свободное время? Да ничем особенным. Чем можно заниматься на отдыхе в Крыму? Вот и я тем же самым занимаюсь. С утра я купаюсь в море, загораю, потом совершаю прогулки по окружающим побережье холмам. Вечером снова купаюсь, пью пиво, иногда – курю «траву» с новыми знакомыми. Перед сном долго гляжу на небо. Здесь, на юге, оно, конечно же, не такое, как у нас в средних широтах. Огромная луна, яркие звезды, черный бархат темноты. А вокруг слышны различные ночные шорохи, звуки каких-то насекомых и животных, с моря дует освежающим ветерком. В общем, если это не счастье, то уже где-то рядом с ним.

Таким манером прошло несколько дней.

Я сижу на пляже. День стоит обычный – с утра было прохладно, а к обеду началась несносная жара. Я пережидая ее в тенике около забора, ограничивающего пляж. Все, так или иначе, нормально, по крайней мере – все могло быть и хуже. Несомненно, мне здесь лучше, чем в Москве. Вот только я до сих пор не нашел ту, которую мог бы полюбить.

Вообще, странно, что человеку кто-то нужен, кроме него самого. Это определенно должно быть важным доказательством существования Бога, странно, что Кант этого не заметил. Всегда кто-то нужен не только как сексуальный объект, а как человек, как тот, с кем бы ты мог поделиться чем-то сокровенным. Это абсолютно нелогично, но ведь так и есть. Человек противоположного пола нужен не только как предмет сексуального удовлетворения, но и как... как человек.

Обдумывая это, я купаюсь, потом немного дремлю. Так проходит день. Мысли все те же.

Вот взять простое общение. Человек, как известно, общественное животное, и построил на этом все свои цивилизации. Любому хочется почесать языком, даже самым замкнутым в себе. И я не исключение. Раз уж нет бабы, так дайте хоть попиздеть с кем-то, разве я много прошу? Слава Богу, этого у меня пока не отняли.

Ну, так вот, в этот день на пляже я разговорился с каким-то человеком. На юге, как известно, люди расслабляются и держат себя намного проще, вследствие чего охотно вступают в контакт друг с другом. Был уже вечер, и я, как обычно по вечерам, пил вино. К тому времени, как меня кто-то окликнул, я уже был в отличном расположении духа. Я обернулся на голос – передо мной стоял невысокий лысоватый мужчина, склонный к полноте. Одет он был в халат и тапочки.

– Можно побеспокоить вас?

– Да, конечно. А что вы хотели?

– Просто вы сидели с таким отрешенным видом, наверно мечтали о чем-нибудь?

Я смутился и сказал:

– Да нет, в общем-то, ни о чем не мечтал. Просто думал.

– Понятно. Можно?

Он указал на место рядом со мной.

– Конечно.

Он медленно, тяжело опустился на песок.

– Понимаете, когда я гуляю по вечерам, я люблю общаться с новыми людьми. В этом специфика моей профессии. Я писатель. Для того чтобы писать новые произведения, мне постоянно нужны новые впечатления, новые переживания, новые люди. Чтобы что-то донести своим читателям, сначала нужно это что-то найти. Но не подумайте что я какой-то бездушный автомат, собирающий информацию. Наоборот, мне все очень интересно. Вас как, кстати, зовут?

– Вадим.

– Очень приятно, Вадим, а меня зовут Сергей Борисович.

Он протянул мне руку, я пожал ее.

– Видите ли, Вадим... Прежде чем что-то написать... что-то большое, ты должен изолировать себя от окружающего мира. Если этого не сделать, в нем всегда найдется что-то, что будет отвлекать тебя от работы – телевизор, пьянки с друзьями, женщины – это еще не весь перечень. Нужно учесть, что в это время необходимо читать правильные книги. Писателю вообще необходимо читать книги, а во время работы над новыми произведениями – тем более. В наше время обычному, не гениальному человеку уже невозможно придумать свой, оригинальный стиль в литературе. Поэтому, вольно или невольно, приходится копировать стиль какого-нибудь из классиков. И это еще в лучшем случае. Важно не забывать, что больше всего на тебя воздействует то, что ты читаешь в данный момент, в настоящее время – таковы законы человеческой психики. Поэтому, писатели часто даже подбирают себе небольшую библиотеку «правильных» книг, стиль которых должен служить образцом для их будущего творения.

– Да? Но вы зря мне все это говорите. Я вовсе не собираюсь быть писателем.

– А я не вам это говорю. Скорее, я повторяю это вслух для самого себя. – Сергей Борисович задумался, потом продолжил: – Понимаешь, писатель – очень непостоянное существо, к тому же, как правило, с плохой памятью. Ему нужно постоянно напоминать про то, что он должен соблюдать стиль, и как он может это сделать. Точно так же как большинству писателей приходится практически заставлять себя писать новые вещи. Ведь это адский труд, а если ты уже чего-то добился – тебе к тому же страшно писать новые свои произведения. А вдруг они окажутся хуже, чем старые? Провал способен похоронить любое, самое прославленное, имя. И зачем тогда напрягаться, думают многие и не напрягаются. Вот только с этого момента они перестают быть писателями. Кстати, а кем вы хотите быть?

– Вообще-то, я хочу стать режиссером.

– Да? И кто же ваши кумиры, образцы в кино?

– Такой вопрос, на который сложно сразу ответить. Таких режиссеров слишком много. Скажем так, больше всего мне нравятся Тарковский, Феллини, Тарантино. В общем-то, мне нравится любой хороший режиссер – например, Рязанов.

– Да. Это правильно. Запомните еще одну вещь, она очень важна: в наше время, хотя, впрочем, как и всегда, очень важно не стать просто потребителем. Потребителем в широком смысле этого слова, потребителем всего – продуктов, информации, развлечений. Если ты станешь таким потребителем, ты никогда не поднимешься над обычной толпой, миллионным стадом людей, которые наполняют собой стадионы на концертах поп-групп; раскупают сотни тысячные тиражи книг, только из-за того, что автор этих книг объявлен модным; сидят по вечерам у телевизора и смотрят дебильные передачи Петросяна. Если же ты хочешь остаться независимым от чьего бы то ни было мнения, ты должен высказать его сам. Если ты хочешь настоящей, а не придуманной жизни, ты должен выразить себя. Ты должен снять фильм, написать роман, сочинить песню. И тогда, даже если об этом никто не узнает, и ты никогда не добьешься популярности, ты все равно поймешь, что прожил жизнь не напрасно.

Сначала я меня немного напрягал его менторский тон, но сейчас мне было по-настоящему интересно то, что он говорил.

– Да... Может быть, вы и правы. Только вот каждому ли дано выразить себя? Ведь, по моему, абсолютное большинство людей не обладает никакими творческими способностями. Еще ладно, если это просто прирожденный технарь, думающий единичками и ноликами, но ведь очень много таких, кто дальше школьной программы никогда не выходил и не собирается.

– В общем-то, вы прав, конечно. Но ведь вы же хотите стать режиссером? Значит, вы не должны оправдывать свою лень тем, что другие тоже ничего не делают. В этом-то и отличие, что тебе – дано, а им – нет.

Я молчал. Конечно, он был прав, но зачем он напомнил мне все это именно сейчас? Чертов писака, сборщик впечатлений фигов! Я встал.

– Извините, мне нужно идти, меня ждут.

– О, конечно, конечно. Извините, что заговорил вас. Надеюсь, что вам было со мной не очень скучно.

– Нет, нет, что вы.

Я поворачиваюсь и ухожу, а писатель остается сидеть на берегу. В сущности, он конечно прав. Я никогда не хотел быть просто потребителем чего-то, но, в то же время, и творец из меня пока не вышел. Но что я могу? Что я могу? Я нигде не учусь, не работаю, у меня нет денег. И этот жирный боров еще предлагает мне что-то творить! Вот уж у кого явно других проблем нет. Черт!

Я зол, и иду по берегу моря все дальше от своего привычного маршрута, чтобы немного остыть по дороге. Неожиданно навстречу мне попадает девушка. Я привычно хотел было уже равнодушно пройти мимо, как прохожу мимо всех людей в последнее время, но что-то останавливает меня и заставляет посмотреть на нее. Какой странный типаж. Что-то поразило меня в нем. Это была какая-то причудливая смесь восточной крови с русской, и даже, возможно, с примесью еврейской. Результат получился превосходный. Брюнетка, стройная, с хорошей грудью и попой. В общем, довольно редкое сочетание. На какое-то время я просто потерял дар речи, ненадолго, всего на несколько секунд. Все это время она стояла и смотрела на меня своими прекрасными глазами с огромными ресницами.

– Девушка... Я бы хотел познакомиться с вами.

Это единственное, что пришло мне в голову в этот момент. Конечно, все это было очень по-идиотски. Как ни странно, но она ответила согласием.

Через полчаса мы уже сидели на берегу и пили вино, весело смеясь над чем-то. Мне было с ней необыкновенно легко, так словно бы я знал ее уже много лет. Это было странно для меня, я отвык, а точнее – не привык к таким ощущениям, они были для меня в новинку. Мы говорили о всякой ерунде, а я все думал о том, что вот она – та, которую я так долго искал, о которой упорно мечтал, лежа в своей общажной панцирной кровати. Я знал, я точно знал, что мне выпал шанс, один шанс на миллион – шанс, который выпадает человеку лишь один раз в жизни, когда он встречает того, кого ему предназначено любить на земле. И любовь уже начинала ворочаться где-то глубоко внутри нас, я отчетливо это чувствовал, когда смотрел в эти ее прекрасные смеющиеся глаза.

Вскоре я узнал, что Лена живет совсем недалеко от меня, практически в нескольких десятках метров, в обычной туристской палатке, как и я. Они приехали в Коктебель вместе с подругой Машей две недели назад, им тут все очень нравится, и они решили остаться здесь еще на месяц. В общем, мне сегодня определенно везло.

Позже, в этот же вечер, мы гуляли по берегу моря, уже обнявшись и уже молча. Море тихо рокотало, оно сегодня было на удивление спокойно. Вокруг нас была южная ночь, чьи прелести также столь много раз уже описаны нашими классиками, что мне абсолютно не хочется впадать

в постмодернизм, повторяя их. Сейчас надо писать коротко и ясно. Поэтому скажу просто – все было прекрасно.

С этого вечера в моей жизни наступил новый этап, и связан он был, разумеется, с Леной. Казалось, я наконец-то нашел в своей жизни какую-то точку опоры, в ней появился смысл, которого до этого явно не хватало. Конечно, это банально, ведь ничто не ново под луной, но в моей истории все это было в первый раз. Я понял, что лишь Лена может спасти меня, вытащить из моей депрессии, тем более что ей для этого не нужно было прилагать особых усилий. Мне достаточно было ее присутствия в моей жизни.

Удивительно – как же все-таки меняется окружающий тебя мир в зависимости от твоего настроения. До этого, я, безусловно радуясь своему нахождению в Коктебеле, тем не менее, не ощущал полностью того, как прекрасно это место. Теперь же, гуляя вместе с Леной, я заново открывал все эти великолепные тайны, скрытые для непосвященного.

Мы были в доме Волошина, ходили на его могилу, гуляли по окрестным холмам, взбирались на Карадаг, и все это, все, что мы делали, вся наша жизнь здесь окрашивалась в эти чудесные цвета, которые только и возможны в состоянии первой влюбленности.

Лена была из Москвы, училась в МГУ на третьем курсе. Она хотела стать журналистом, но поступила на экономический, потому что хотела зарабатывать деньги после того, как окончит университет. Тем не менее, сейчас она работала именно в журналистике, писала что-то для кого-то, в общем – была фрилансером. Хотя она могла жить и с родителями, сразу после поступления в университет она стала вести самостоятельную жизнь – жила в общежитии, потом снимала квартиру с подругой. Как я быстро понял, она была очень независимой.

Вообще Лена была странным человеком. Все в ней было устроено как-то не так, как у обычного человека, я имею в виду, конечно, ее психику. Если определять главные черты ее характера, описывать их в нескольких словах, то это было, прежде всего, соединение какой-то детскости и в то же время какой-то взрослой умудренности, жизненной мудрости. При этом она была самым честным человеком, которого я знал, и легко говорила любому то, что она о нем думает. Кроме того, она была по-настоящему талантлива, писала неплохие стихи и прозу, у нее вечно было полно всяких идей, ее мысли были оригинальны, а мышление – острым. И все-таки все это вместе напоминало мне какую-то шизофрению, которая сидела в ней, это пугало меня, и в то же время – притягивало. Я ничего не мог с собой поделать, уже через час нашего знакомства я был по-настоящему влюблен в нее.

Тем не менее, и у нее были свои проблемы, о которых я вскоре узнал. В темпераменте ее сменялись маниакальная и депрессивная стадии, причем большое влияние на характер и глубину протекания этих стадий оказывали внешние обстоятельства. Если в жизни у нее все было хорошо, если она находила применение своей неумеренной творческой энергии, то ее маниакальная стадия была приятна и полезна для окружающих, она любила всех и, в особенности, меня. Но если вокруг были обломы, если что-то шло не так, и у нее не получалось то, что она задумала – тогда это был конец света, и на первый план выходила ее самая серьезная проблема. А самой серьезной была проблема алкоголизма, точнее – не алкоголизма, а пьянства. Лена не пила водку, но она пила пиво и вино, и, когда у нее была депрессия, могла за этим занятием проводить сутки напролет. Тогда и я становился для нее главным громоотводом и единственной причиной всех ее неудач. Но все это уже было потом, когда я уже безнадежно был влюблен в нее, и ничего не мог с собою поделать. Самое чудесное в Лене было то, что и в таком мрачном настроении она все равно, пусть и после долгих упреков и обвинений в мой адрес, в итоге бросалась мне на шею, и мы с ней всю ночь занимались любовью. Об этой, сексуальной, стороне нашей жизни нужно сказать особо.

Впервые мы занялись «этим» в первый же вечер нашего знакомства. Хотя мы и были уже довольно пьяными, столь быстрое развитие событий нельзя списывать только на это. Нас влекло друг к другу, и мы, конечно, сразу же это почувствовали. Еще когда я только спрашивал

у Лены, как ее зовут, я уже чувствовал сильное желание, которое испытывал к ней. Вероятно, у нее все было точно так же. По крайней мере, на следующее утро Лена сказала мне о том же.

Так вот, когда мы упали на туристский коврик, я засунул руку под ее юбку (как же я обожаю женщин, которые носят юбки!), и почувствовал, что она вся уже мокрая. Я посмотрел Лене в глаза. На какой-то момент мне стало страшно – казалось, что она глядит сквозь меня, куда-то в далекие потусторонние миры, настолько отсутствующим был ее взгляд. Но вот она перевела его на меня и улыбнулась. Я поцеловал ее, это продолжалось так долго. Я гладил ее по великолепным кудрявым волосам, я прижимал ее голову ко мне, я окончательно потерял над собой контроль. Одновременно я раздевался, она тоже снимала с себя футболку, потом я обнял ее голое тело. Какое же это было ощущение! Мы были одни на берегу моря, оно шумело совсем рядом от нас, волны практически задевали наши ноги, и все это было так нереально, словно я смотрел какой-то голливудский фильм в стиле «романтик комеди». Я так давно не обнимал с любовью ни одной женщины, последний раз это было, кажется, еще у меня в городе, когда я какое-то время имел роман со своей однокурсницей, и с которой из-за ее непроходимой тупости мы вскоре расстались. Но разве можно сравнивать то, что было тогда, и сейчас!

Потом я вошел в нее, и это тоже было великолепное, новое ощущение. Член вошел во влажное, разгоряченное влагалище словно нож в масло, словно ключ в замочную скважину. Мы идеально подходили друг к другу в плане физиологии, и это открытие, конечно, только способствовало нашей дальнейшей жизни. В тот же, первый раз, мы только принарамливались друг к другу, инстинктивно ища и находя более удобные для нас обоим позы, подстраиваясь под желания друг друга, и это наше взаимное желание помочь друг другу, сделать приятное, было для меня удивительно и прекрасно. Секс продолжался долго, он был необычен, как может быть необычен секс между теми, кто любит друг друга, он был великолепен, как он и должен быть между теми, кто любит друг друга. Когда я кончил, Лена тоже уже кончала, и я вглядывался в ее лицо, искаженное этим бесконечным счастьем, оно было прекрасно. В этот момент я понял, что Лена – именно та женщина, которую я так долго искал.

После всего мы еще долго молча сидели на берегу моря и курили, смотря на горизонт.

С утра все было уже совсем по-другому. Я переехал в палатку к Лене, мы стали жить вместе с ней и ее подругой, благо, что места хватало на всех. Подруга Маша тоже нашла себе кавалера, и большую часть времени проводила с ним.

Как я уже говорил, мы гуляли по окрестностям, общались, все это было так ирреально для меня, что казалось сном. Я не мог поверить, что могу нравиться красивой, умной женщине, что она будет тратить на меня время, более того – заниматься со мной сексом. Тем более, я не мог поверить в то, что она полюбит меня. Ну как, как меня можно любить? Меня! Ведь у меня ничего нет, я нищий, безработный, не особо умный парень, и даже не обладаю какой-то особой красотой. Разве можно меня любить? Все это абсолютно не укладывалось в моей голове.

И, тем не менее, все обстояло именно так. Тогда я еще не знал, что это самый первый, самый счастливый период любви, который имеет свойство быстро заканчиваться, и тогда наступает время мучительной страсти, которая может абсолютно уничтожить человека. В блаженном неведении я просто наслаждался тем, что у нас было.

Итак, мы медленно прожили весь этот чудесный месяц. Ничего не происходило, и это было лучше всего. Денег почти не было, но мы ухитрились существовать на те крохи, что имели. Особых трат у нас не было, только на крупы, из которых на костре у палатки варились кушанья по самым странным рецептам, впрочем, вполне съедобные. Основная часть денег уходила на алкоголь, но теперь уже все это было не банальным пьянством.

Алкоголизм незаметно, сам собою, превратился в мистику, в какое-то чудесное таинство, обряд, правил которого мы строго придерживались. Обычно все начиналось с нескольких бутылок пива, которые мы выпивали в течение первой половины дня, пока гуляли по окрестностям Коктебеля. Ближе к обеду, как всем известно, в Крыму в это время года наступает неснос-

ная жара, которую мы проводили, лежа в городском парке Коктебеля в тени деревьев и слушая нехитрые песенки каких-то хиппи, зарабатывающих себе бренчанием на гитаре на косячок с «травой». Пока мы лежали, мы ели какую-нибудь дыньку, запивая ее восхитительный вкус дешевым вином из пакета, при этом Лена обычно болтала о какой-нибудь ерунде, строила творческие планы, ну а я – я просто любовался ею, время от времени что-то вставляя в ее монолог, чтобы не выглядеть совсем уж полным идиотом. Часто за таким занятием нас постепенно смаривал сон, и мы засыпали, прижавшись друг к другу, как Ромео и Джульетта. Собственно, мы ими и были.

Наступал вечер, и мы направлялись к набережной Коктебеля, которая растянулась на несколько километров вдоль залива и была вся уставлена разнообразными и разнокалиберными кафешками. Сидеть в них мы, конечно, не могли по причине финансовой недостаточности, но нам этого и не хотелось. Мы просто гуляли в людском потоке, который к этому времени уже бурлил и рокотал на набережной, и все более увеличивался по мере наступления темноты. В него вливались все новые и новые группки людей, он был полноводен почти как поток людей в метро в час пик, так как сюда приходили практически все отдыхающие, но, странное дело, я не испытывал ни малейшего дискомфорта, когда находился в нем.

Мы гуляли по набережной, попивая дешевое вино или коньяк, вокруг нас стоял шум и гам, но мы не обращали на него ровно никакого внимания. Ведь мы были вместе, вот в чем все дело. Никогда больше я уже не испытывал этого ощущения полноты жизни, как в те несколько первых дней нашего знакомства.

Гуляя, мы то и дело останавливались, наше внимание привлекали различные забавы, типичные для курортов постсоветского пространства: караоке, тир, фотографии с неграми, одетыми в набедренные повязки. В общем-то, мы были обычными отдыхающими, все они тоже ходили парочками или небольшими компаниями, все они тоже были по-своему счастливы. И все же у нас все было по-другому.

Через пару часов мы уже сидели на берегу моря, обычно где-нибудь в отдалении от толпы, хотя спрятаться полностью от шума дискотек и кафе, конечно, было невозможно. Мы смотрели на море, на котором уже лежала дорожка света от луны, я обнимал Лену за плечи, мы молчали и целовались, лишь время от времени отхлебывая из бутылки или картонного пакета. Иногда мы занимались любовью прямо на берегу моря, под мерный шум его волн, потом шли спать в свою палатку, но и там обычно снова незаметно возбуждались до такой степени, что накидывались друг на друга, не говоря при этом ни слова. Наконец, усталые и счастливые мы засыпали, обняв друг друга, и, как говорится, не было в целом мире людей счастливее нас. Обычно Лена, засыпая, просила меня дать ей руку, ладонь которой она прижимала к своей груди, и только после этого она постепенно погружалась в сон, что-то шепча про себя. Я знал, что она росла без отца, наверное, этот ритуал был ее потребностью еще с детства, стремлением ощутить мужскую энергетику рядом с собой. Эта ее особенность задевала меня, и я понимал, что должен заботиться о Лене больше, чем это было бы с другой женщиной. Привычка эта осталась у нее и до сих пор.

Долгие крымские ночи. Как приятно вспоминать о них, сидя морозной ночью в квартире «хрущевки» в среднерусской полосе. Долгие ночи любви. Конечно, мы все склонны к идеализации того хорошего, что было с нами когда-то, но все-таки сейчас я точно знаю – то время было самым лучшим периодом в моей жизни.

К сожалению, постепенно угасают самые сильные чувства. И все-таки, где-то в глубине тебя всегда остается какой-то острый осколок, который не дает тебе жить спокойно, часто напоминая такой же острой болью о том времени, когда ты был счастлив. Люблю ли я ее сейчас? Не знаю. Что такое любовь – кто может ответить? Но почему же каждый раз, когда я о ней вспоминаю, у меня сжимается сердце, и в груди начинается что-то щемить. И почему одним далеким вечером я сидел в интернете, и часами искал в поисковике любую информацию о ней.

Но никакой информации не было, и тут я понял, что не правы те, кто считает, что если про человека не написано в интернете, то его нет. Ведь она была, я знал это и чувствовал. Нет, я что-то не то говорю. Я не умею сказать, как надо, мне кажется.

В общем, так мы и жили в то лето в Крыму. Нам было хорошо вместе, хотя, конечно, иногда у нас были и ссоры, но лишь на очень короткое время.

Мы любили обсуждать глобальные темы, естественно, избегая любых политических вопросов. Потому что нет ничего более неестественного, чем обсуждать в Крыму продажных политиканов из далекой России. Впрочем, иногда разговор все-таки затрагивал и эту тему.

– Читала «Орфографию» Быкова? – спрашивал я. – Говорят, сейчас у него вышел новый роман – «Эвакуатор». Там идея такая, что Россию захватили две расы захватчиков: «варяги» и «хазары». «Варяги» хотят величия государства за счет истребления населения, а «хазары» – утверждения либеральных ценностей таким же путем.

– Ты опять про политику?

– Да? А, извини. Прости.

На том все и заканчивалось.

Однажды у нас ни с того, ни с сего завязался спор на темы жизни, чего я никогда не любил. Почему-то Лена спросила меня о моем отношении к детям, я сказал, что они лучше, чем мы, и, несомненно, все лучшее, что есть в нас – из детства. Лена была этим страшно возмущена.

– Ты не понимаешь, – кричала она – нет ничего развращеннее обычного человека, в особенности же – детей! Стоит только посмотреть – чем они занимаются, когда остаются одни. До такого же ни один Маркиз де Сад не додумался бы! А ты говоришь – Библия... Да, там говорится, что дети – это агнцы божьи и, может быть, в каком-то смысле это правда. Но ведь Библия написана тоже людьми, а люди склонны идеализировать свое прошлое, а особенно – когда они были детьми. Они просто забывают, чем занимались в этот период.

Я был удивлен даже не ответом ее, а скорее такой сильной реакцией. По-видимому, все это было связано с какой-то психической травмой, которая была у нее в детстве, но я предпочел не бередить ее и просто замять эту тему.

В другой раз наша размолвка была серьезней. Разговор тогда почему-то снова зашел о политике, и я стал рассуждать о том, как хотел бы что-то изменить в нашей стране, о том, как мне все это надоело. Лена сказала, что она вообще-то не интересуется политикой, но в отношении меня ей кажется, что я просто люблю болтовню о спасении России, ничего не предпринимаемая в реальности. Я был серьезно задет этим ее замечанием, хотя в глубине души знал, что она права. Лена вообще была очень проницательной, практически всех встречающихся ей людей она видела насквозь, а, учитывая, что тактичностью при этом она не обладала, этим она нажила себе много врагов. Конечно, я не мог вытерпеть столь откровенной критики и стал спорить с Леной, но она упорно стояла на своем, в итоге обозвав меня пьяницей с нереализованными комплексами, на что я тоже в запале назвал ее алкоголичкой, после чего мы некоторое время дулись друг на друга. Но мы любили друг друга, и не прошло и получаса, как мы уже смеялись и пили вместе вино, и секс в ту ночь был особенно удивителен.

Впрочем, больше я старался не задевать этой темы – я хотел, чтобы ничто не омрачало наше хрупкое счастье.

Конечно, во многом ему способствовала и та обстановка, которая нас окружала. Все-таки Коктебель – удивительное место. Я бывал почти во всех курортах нашего и крымского побережья, но нигде не встречал такого великолепного соединения пространства, природы и климата. Это было что-то, Коктебель абсолютно совпадал с тем идеалом, который я нарисовал себе в воображении, мечтая о месте, где я бы хотел провести всю свою жизнь. Уверен, что многие люди, которые побывали в Коктебеле, согласятся со мною в этом утверждении.

В Коктебеле явно ощущается какая-то особая энергетика, присущая только ему. Когда смотришь с холма, на котором находится могила Макса Волошина, на долину, окаймляющую бухту, на соседние холмы, волнами уходящие куда-то на восток и покрытые выжженной растительностью, на это синее бесконечное море, сливающееся с горизонтом и незаметно переходящее в небо такой прозрачной голубизны, для которой мне кажется еще не придумано название, на далекий мрачный утес Карадага, за которым виднеются вершины соседних гор, и вот когда видишь все это разом – то понимаешь, что другого такого места нигде в мире нет, и лучше его – тоже.

Теперь уже все это кажется таким далеким, что иногда я думаю, что этого и вовсе не было. Может быть это оттого, что это было так не похоже на всю мою жизнь до и после этого.

Вообще же жизнь отдыхающего на Черном море, как известно, течет лениво и неторопливо. Каждый день похож на другой, все события дня повторяются по известному ритуалу. В общем-то, в обычной, рабочей жизни дни проходят так же незаметно и одинаково, просто в ней ты уныло тянешь лямку, а здесь, на море, ты наслаждаешься своим существованием. Жизнь здесь состоит из трепя и ничегонеделания, перемежаемого алкоголем и сексом. В нашем возрасте, конечно, последние две упомянутые категории – самые главные вещи на свете.

Вечер за три дня до отъезда. Мы с Леной сидим в летнем кафе на берегу моря и трепемся о всякой ерунде, благо, что перед нами стоят две пустых и две полных бутылки портвейна. Разговор заходит о литературе.

Лена спрашивает о Пелевине. Она очень любит творчество Виктора Пелевина.

– Как тебе последний роман Пелевина?

– Да ничего, кстати говоря. Но, мне кажется, он уже выдыхается. Во всех последних романах одно и то же: ФСБ, буддизм, загоны про волков. Постмодерн, в общем. «Чапаева и Пустоту» ему уже не переплунуть.

– Да, наверно, ты прав. Но мне кажется, это просто приверженность своему стилю. А стиль-то свой у него есть, ты не отрицаешь?

– Стиль есть. Но ведь все равно одно и то же пишет – это уже замкнутый круг получается.

Лена недовольно замолчала. Потом неожиданно спросила у меня:

– А кто твой любимый писатель?

– Есенин.

– А любимый роман?

– «Жизнь Арсеньева» Бунина.

– Странное сочетание.

– Что подлаешь. А у тебя кто любимый писатель?

– Генри Миллер.

Это говорило о многом. Я встал и подошел к Лене, она молча подняла на меня глаза. Я наклонился и поцеловал ее, поцелуй длился очень долго. Потом, едва сдерживаясь, мы пошли к себе в палатку, чтобы немедленно заняться любовью. Впрочем, до палатки мы так и не дошли, так как, проходя мимо парка, зашли в какие-то кусты, где тут же повалились на землю. Я стянул с нее трусы, сорвал футболку, потом на ощупь вставил в ее мокрое влагалище свой член и стал методично и жестко трахать. Конечно, мы оба были уже изрядно пьяными, но это только помогало нам растянуть наше удовольствие. Лена засунула мою ладонь к себе в рот и кусала ее, другой рукой я прижимал ее тело к себе, при этом вдыхая волшебный запах ее волос (вообще, немногие на свете вещи могут сравниться с этим удивительным ароматом, который исходит от женских волос). Где-то недалеко гремела музыка, по дорожке в десяти метрах от нас то и дело кто-то проходил, но мы не обращали на все это никакого внимания. Мы любили друг друга, а все остальное не имело ровным счетом никакого значения. Все происходящее с нами напоминало какое-то сумасшествие, да так оно и было.

Через двадцать минут мы лежали рядом друг с другом и смотрели на небо. Небо было черным, и на нем было очень много звезд. Где-то сбоку волшебным фонарем светилась луна. Мы лежали и смотрели на все это, не говоря ни слова, через пять минут я наконец повернулся к Лене и сказал:

– Хочешь курить?

– Ага.

Мы закурили, я о чем-то задумался и вдруг почувствовал, что Лена плачет. Я привстал и увидел, что она действительно тихо плачет, отвернувшись в сторону от меня. Я стал гладить ее по волосам, спрашивать, что случилось, я целовал ее, пытался успокоить. Кое-как мне удалось добиться от нее путаных объяснений, из которых я понял, что она всю жизнь была несчастна, и что только теперь, и вот – она не знает, и что она боится, в общем... Какое-то странное чувство нежности огромной волной нахлынуло на меня в этот момент, я внезапно понял, что стал для Лены кем-то большим, чем обычный любовник, что на мне теперь лежит большая ответственность за нее. И странное дело – меня это вовсе не испугало, наоборот – я был рад этому новому своему состоянию, наконец-то хотя бы одному человеку в мире, кроме моих родителей, я был нужен, именно я, Вадим Иванов, и никто другой. Я был благодарен Лене за это ощущение, и конечно не мог ее теперь бросить, даже если бы я этого захотел.

Все это было замечательно. Жалко лишь, что совсем скоро нам нужно было уезжать из Коктебеля. В эти дни я настолько хорошо очистил свое сознание от всякого мусора, что даже моя обычная шизофрения куда-то делась. А это было важным сигналом, ведь в последнее время она начинала серьезно осложнять мое существование. Выражалось это в том, что я стал терять много времени на обычные операции, производимые мозгом, застывая и «зависая» в самые неподходящие моменты. Я понимал, что это нездорово, но ничего не мог с собою поделать. При этом я вполне осознавал, что со мной происходит, для себя я это описывал в виде вполне стройной модели.

Итак, мое сознание сложено из некоего количества кирпичиков, которые вместе, в совокупности, и образуют то, что называется «я». Вот только тут есть одна проблема – я не могу одновременно собрать все эти кирпичики в один монолит. В какой-то момент я думаю о том, как проводил лето в прошлом году и моментально начинаю вспоминать сразу все прошедшие летние каникулы. Потом мысль переходит на то, с какими девушками у меня тогда были романы, и вот я уже начинаю вспоминать их всех – в хронологической последовательности. И т. д. и т. п. – это продолжается бесконечно. Да, может быть, это и хорошо было бы, если бы я был русским баринком, живущим в девятнадцатом веке в деревне, который от скуки не знает – куда себя девать. Но я же не русский барин, я не могу позволить себе такой роскоши – часами лежать и думать о всякой ерунде. А вот чтобы вспомнить все это сразу – это невозможно.

Как видите, это была типичная шизофрения с разделением наблюдающего субъекта и наблюдаемого объекта, с закольцованностью мыслей, но все это ушло на задний план в тот момент, когда я на короткое время стал счастливым. Позже все это вернулось, но, к счастью, не в столь острой форме, ведь теперь рядом со мною была любимая женщина, которая занимала довольно большую часть моих мыслей.

Со дня нашего с Леной знакомства прошло три недели, у нас кончались последние деньги, и вот неумолимо настал и день нашего отъезда. Маша уехала еще три дня назад, а мы все оттягивали и оттягивали этот злосчастный день, зная наперед, что уже никогда не будем такими счастливыми. И все-таки пора было уезжать.

С утра мы сходили на море искупаться, потом собрали вещи, скатали палатку, и, купив бутылку коктебельского коньяка, направились к остановке автобуса, чтобы уехать в Феодосию. Как нарочно, с утра испортилась погода, накрапывал небольшой дождик – казалось, сама природа оплакивает наше счастье. Впрочем, мы же не расставались, мы ехали в Москву вместе,

и впереди у нас была целая жизнь – и это компенсировало нам все наше неважное настроение по случаю отъезда.

Когда мы уходили от моря вглубь поселка, я оглянулся в последний раз – на море начинался шторм, волны накатывались на берег с шумом, с каждым разом все сильнее и сильнее, как мне показалось, да и дождь зарядил надолго. Ну что ж – уезжать теперь не так жалко. И все-таки – все-таки это был Коктебель, место, лучше которого нет нигде в целом свете.

Мы добрались до Феодосии, там, пока ждали отправления нашего поезда, снова искупались в море, а потом, обнявшись и стуча зубами, пили коньяк, стоя под каким-то навесом. Мы снова были счастливы, и в подтверждение этого почти непрерывно целовались. Вечером наш поезд все-таки отправился, хотя мы на него чуть не опоздали, так как заходили в магазин за новой бутылкой коньяка, и все-таки мы успели, и сели, и поехали в эту далекую и странную Москву.

Глава 4

В поезде мы, естественно, ехали в плацкарте, так как денег почти не осталось. Вагон был полон, но в нашем купе, кроме нас с Леной, был только один пассажир. Это был мужчина, средних лет и такой же наружности. Представился он Иван Ивановичем, при этом почему-то покраснев.

Этот Иван Иванович оказался презабавным человеком. После третьей рюмки коньяка, бутылку которого он тоже вез с собой, в нем проснулась тяга к беседе. При этом – к умной беседе, как у всякого русского человека, считающего себя интеллигентом.

От нечего делать, мы долго разговаривали с ним на различные темы, пока разговор сам собою не зашел о новых технологиях, и связанных с этим изменениях в жизни.

Иван Иванович горячо доказывал, что природа человека нисколько не изменилась за все время истории.

– А что изменилось в нашей жизни? Да, появились всякие технические штучки-дрючки, всякие мобильники, mp3-плееры, DVD-проигрыватели и тому подобное. Но люди-то остались такими же. Они ничуть не изменились.

– И что же вы этим хотите сказать?

– Я-то?

Он задумался на некоторое время, усиленно потирая лоб. Потом сказал быстро:

– Да ничего я не хочу этим сказать. Что вы, в самом деле? Это я так. Давай лучше, выпьем еще.

Мы выпили, после чего Иван Иванович спросил у меня:

– Ну а ты-то согласен со мной?

– Ну, в общем-то, да. Этот факт трудно отрицать.

– Вот то-то и оно. А писатели-фантасты все придумывают себе какую-то эволюцию человеческую, какие-то воспитания благородных обществ. А что мы видим? Технологии изменились, выросли, а люди все так же грызутся из-за денег, склолчничают. Ничегошеньки в них не изменилось. Это уж вы со мной не спорьте.

С этими словами он полез спать к себе на полку, и долго еще что-то ворчал на ней, переворачиваясь с боку на бок.

Я посмотрел на Лену – она едва сдерживала смех. Я обнял ее, поцеловал, сказал, чтобы она не смеялась над этим чудачком. Поезд мерно стучал колесами, все было хорошо и даже отлично, но на душе у меня было как-то невесело.

На следующий день мы приехали в Москву. Было тепло, стояло бабье лето. Впрочем, на погоду я сейчас внимания не обращал – после приезда в Москву у меня началась новая жизнь, теперь уже с любимым человеком.

Но сначала мне снова нужно было найти какую-то работу, чтобы как-то существовать. Первая работа, которая мне подвернулась после возвращения в Москву, называлась чем-то вроде оперативного контроля.

Работа заключалась в том, что я должен был считать количество людей, пришедших на сеанс кино. Продюсеры фильма хотели выяснить, не «нагревают» ли их кинотеатры, а если «нагревают» – то насколько. Сначала я честно считал людей, но к третьему сеансу мне надоело. Это была абсолютно тупая работа, эффект от которой был нулевой – то есть стандартная для Москвы. Я не хотел ее делать и ушел домой.

После этого нужно было искать новые источники дохода. С Леной наши отношения были более чем, но одной любовью сыт не будешь. В поисках постоянного заработка прошло около месяца, все это время я жил в общежитии, по старому адресу, пока Лена не вписала меня в какой-то сквот на Трубной, где жили ее богемные друзья. Это был дом, предназначенный под снос,

в нем не было отопления, а электричество в него провели его новые обитатели. Впрочем, там вполне можно было жить, и даже очень хорошо. Жили там, в основном, художники различных авангардных направлений (я не очень разбирался в их мазне), все поголовно они были алкоголиками и любили покурить «траву». В общем, это было вполне удобное место для наших с Леной встреч.

Через некоторое время после приезда я нашел наконец-то работу, которая могла меня удовлетворить. Я работал осветителем в частной кинокомпании, производящей телесериалы. Снимали мы «мыло» различного рода, в основном, детективы с тупым и, как мне казалось, повторяющимся сюжетом, приевшиеся уже и зрителям, и актерам, но неизменно заказываемые телеканалами. Хорошо, что я был простым осветителем и мог не вдаваться в подробности всей этой телевизионной «продукции», иначе бы долго я там не выдержал. Кроме этого, преимущества работы были в ее графике (два через три) и вполне устраивающей меня зарплате. В общем, жизнь снова начала налаживаться.

Алкоголя я стал пить намного меньше, теперь он был мне практически не нужен. Лена придала моей жизнь смысл и наполнила ее содержанием, как ни банально это звучит. Раньше, приходя вечером домой с работы, хотелось расслабиться, ни о чем не думать. Конечно, можно было просто посмотреть фильм, посидеть в интернете, но все чаще мне этого было недостаточно, мысли упорно крутились вокруг того, что у меня нет никаких перспектив, что жизнь проходит – в общем, были довольно депрессивны. И тогда забыться хотя бы на короткое время мне помогал алкоголь – пиво, вино, иногда водка. Постепенно дозы росли. При этом в глобальном смысле все это, разумеется, не помогало. Собственно, я и сбежал поэтому на юг.

Теперь я был занят другими, более приятными вещами. Мы виделись с Леной практически каждый день, как правило, по вечерам, когда у нее заканчивались лекции. Обычно мы встречались где-нибудь в центре и гуляли вместе, а потом вместе приезжали ко мне в сквот. Иногда мы приезжали к ней в квартиру, но в сквоте нам нравилось больше. Конечно, я не предлагал ей совсем переехать в сквот, потому что все-таки условия там были довольно спартанские, а переехать к ней сам я не мог, ведь там была соседка, с которой Лена жила уже давно, и просить ее съехать было бы совсем невежливо. Впрочем, так жить было даже лучше, ведь за время между нашими свиданиями мы с Леной успевали соскучиться друг по другу, и наши желания становились еще острее.

Вообще, эта осень навсегда осталась в моей памяти, как самое прекрасное время в моей жизни. Набоков не кривил душой, когда говорил о том, что не заметил революции, поскольку был влюблен. Я тоже ничего вокруг не замечал, пока мы были вместе с Леной. А были мы с ней практически все время. Самое удивительное – то, что мы почти не разговаривали, все объяснялось жестами, и было понятно без слов. Да и что тут надо было объяснять.

Как я уже говорил, обычно мы просто гуляли. Это были замечательные, волшебные прогулки. Мы гуляли по кривым переулкам в центре Москвы, по тем, о которых писали еще Есенин и Цветаева. Родители Лены жили в центре, когда она родилась, и все ее детство прошло в этих арбатских двориках. Лена рассказывала мне про то, как она гуляла по ним в детстве, открывая для себя каждый раз что-то новое. Да и потом, после того, как они с мамой переехали в Марьино, она все равно любила приезжать сюда и часами блуждать по этим антикварным улочкам. Ей было интересно просто смотреть на эту прекрасную архитектуру старых домов, в которых живут разные незнакомые люди. Впрочем, иногда ей попадались и знакомые из ее района, и она обсуждала с ними эти ужасные превращения, которые происходили в центре Москвы в последние годы. Сносились старые дома, уничтожались целые кварталы, а вместо них строились безликие офисные здания из стекла и бетона, и все это конечно уничтожало дух старой Москвы, к которому привыкла Лена и прочие коренные москвичи. Но ничего нельзя было сделать, и ей оставалось лишь только гулять с фотоаппаратом, стараясь успеть запечатлеть для вечности то, что еще осталось.

Теперь мы гуляли с ней вместе. В центре осталось еще много старых зданий, не затронутых новыми временами, и мы чувствовали этот привкус истории, остающийся в воздухе изогнутых улочек. Конечно, я и раньше любил гулять по старой Москве, а сейчас – сейчас этот процесс был наполнен новыми ощущениями. Когда идешь по улице с любимым человеком, то и дело останавливаясь, чтобы поцеловать его, когда держишь его за руку и понимаешь, что все это по-настоящему, и все то, о чем ты когда-то мог только мечтать происходит именно сейчас и именно с тобой – тогда уже кажется, что больше ничего и не нужно.

Это осенью я узнал, что, оказывается, и в любви бывают разновидности. У нас была московская любовь – такая тихая и светлая, заполненная прогулками по старым переулкам и улочкам, с остановками у памятников или просто зданий, про которые Лена рассказывала мне всякие смешные или печальные истории, связанные с ее детством, с долгими сидениями в летних кафешках или на скамейках с банкой пива в руках, когда мы просто смотрели на небо и мечтали о том времени, когда у нас будет много денег, и мы сможем жить лишь друг для друга, не отвлекаясь постоянно на всякие работы и халтуры. Ну и конечно, как и у всех романтиков, не обошлось у нас и без прогулок по «булгаковской» Москве.

Для меня это было удивительное, чудесное состояние. Я по-прежнему не знал – за что меня можно любить, разве меня вообще можно любить. Я ведь такой плохой, я ничего не умею, у меня ничего нет. И, тем не менее, меня любили! Это было самое удивительное чудо на земле, по сравнению с которым воскрешение Иисуса Христа было сущим пустяком. Когда я просыпался по утрам у себя в сквоте, я думал, что все это происходит не со мной, а с кем-то другим, что в моей жизни это просто не может случиться, потому что я не заслуживаю такого счастья, оно свалилось на меня абсолютно случайно. И, конечно, я безумно боялся того, что все это может закончиться, и в один прекрасный день Лена просто не придет в мой грязный и разваливающийся сквот, что она найдет себе другого, более подходящего ей человека. Меня охватывала паника, я не находил себе места весь день, стараясь отгонять эту мысль и поэтому думая все время об этом. А потом наступал вечер, и мы снова гуляли с Леной по Москве, по ее центру.

Впрочем, и у нас бывали размолвки. Однажды мы сидели около Макдоналдса на «Пушкинской», за одним из железных столиков. Была уже середина октября, с неба лил дождь, но мы не обращали на него внимания. Хотя, может быть, это относилось лишь ко мне, так как у Лены все равно было плохое настроение, и она была недовольна ни мною, ни собою.

Мы пили пиво, возвращаясь из одного андеграундного театра, куда Лена сама потащила меня. В этом театре один модный молодой драматург поставил свою пьесу о парне из провинции, убившем свою жену из-за того что в ней не было «кислорода», а в его столичной «любви» он был. Я не был в театре после «Грозы» в «Щепке», которая так впечатлила меня, и уселся в кресло, ожидая привычного действия в стиле «психологического театра», но с самого начала спектакля понял, что передо мной происходит явно что-то иное. На сцене парень читал рэп под музыку, иногда в его монолог вступала со своим речитативом девушка, и все это было настолько необычно, что мне поначалу казалось, что мы на каком-то рэпперском концерте. Но потом, проникнувшись происходящим, я вдруг почувствовал, что передо мной сейчас творится что-то абсолютно новое, неизвестное до этого в театре. Конечно, я не был театроведом и не мог поручиться, что ничего подобного не существовало где-нибудь за границей, но я, по крайней мере, все это видел в первый раз. Впервые современным языком под современную музыку мои современники говорили со мной со сцены о проблемах, которые меня волновали. Нет, это была не «чернуха» с наркотой, и разборками, этой проблемой была старая, как мир, любовь. Я был потрясен, но уже не от таинства театра, как на «Грозе», а от того, насколько театр может быть современен, насколько он может быть «продвинут», оставаясь, как ему и положено, глубоким и серьезным. После спектакля мы с Леной сидели в фойе этого театра, к ней

подходили разные знакомые – в основном известные ей по журналистской работе – а я просто пытался прийти в себя.

– Как тебе спектакль? – спросила Лена.

– Офигенно, – просто ответил я.

Конечно, говорить столь восторженно не следовало, и Лена, как искушенный знаток, лишь улыбнулась, но сейчас я не хотел строить из себя пресыщенного московского зрителя. Относившийся до этого, сам не знаю почему, с некоторым предубеждением к современным пьесам и тем, кто их ставит, теперь я полностью изменил свое мнение, и стал ходить впоследствии, когда была такая возможность, в те несколько московских театров, где они шли.

Теперь же мы сидели под дождем за железными столиками у Макдоналдса, и настроение у Лены совсем испортилось.

– Мне не понравилась эта постановка, – сказала Лена. – По-моему, режиссер просто выбывает.

Она, как обычно, не стеснялась в выражениях.

– А, по-моему, нормально, – попытался я защитить режиссера.

– Ты ничего не понимаешь в театре, – безапелляционно заявила она. – И вообще ты в чем-нибудь что-нибудь понимаешь?

Это был намек на отсутствие у меня высшего образования. Ну что же, по ходу у Лены начинается депрессивная фаза.... Спорить не хотелось, и я молча смотрел, как капли дождя стекают по моим тяжелым черным ботинкам.

– Нечего ответить. Ну и молчи тогда.

Лена обиженно отвернулась. Я посмотрел на нее – даже сейчас, в своем гневе она была прекрасна. Капли дождя стекали по ее волосам, прядь которых была небрежно зачесана за ухо, по ее черной меховой куртке с откинутым капюшоном. Сама Лена смотрела куда-то в сторону, куря длинную тонкую сигарету, зажатую между таких же длинных и нервных пальцев. Боже, как я хотел ее сейчас!

У меня снова начало болеть сердце, как это было в каждый раз, когда я боялся, что она уйдет от меня к другому. Меня обдал холодный пот, появилась какая-то слабость, во рту пересохло. Моя зависимость от Лены была на физическом уровне, я отлично это понимал. Кое-как я встал и подошел к Лене, сел рядом с ней на скамейке и неуверенно, осторожно обнял ее. Все это я проделал на автомате, не говоря ни слова – мой язык просто не слушался меня, зубы стучали.

Лена вздохнула и прижалась ко мне, потом сказала тихо: «Как же я все-таки люблю тебя». В этот момент мне абсолютно четко показалось, что я воскрес из мертвых, мне стало жарко, кровь ударила в голову, и я стал целовать Лену так неистово, как будто мы не виделись с ней уже целый год. Она улыбалась и отпихивала меня, но я ничего не мог с собой сделать. Через пять минут мы встали и пошли к метро, чтобы поехать ко мне.

И все-таки, конечно, наши отношения развивались по общим для всех законам. Хотя все думают, что вот у них-то все будет по-другому, я не верю в возможность чего-то принципиально иного – как я люблю повторять, ничто не ново под луной. Главное лишь в том, чтобы не рефлексировать по этому поводу, отдаться чувству с головой, конечно, если ты можешь это себе позволить.

И мы полностью следовали этому правилу. Мы встречались, гуляли, спали, потом снова ненадолго расставались, и снова встречались.

Этой же осенью я познакомился с родителями Лены. На самом деле, знакомиться надо было только с мамой, потому что отец Лены ушел от них вскоре после ее рождения. Несомненно, это наложило на нее отпечаток, она была, как говорится, «безотцовщина» с сильной тягой к мужскому началу, которого ей так не хватало в детстве. И это было особенно трогательно в ней, по крайней мере, для меня. Хотелось обнять ее и защитить от всех опасностей

внешнего мира, которые могли ей грозить. Само собой, она не подавала виду, что нуждается в такой защите, скорее наоборот – выглядела как неприступная крепость, но я-то знал, что все это лишь маска, призванная защитить ее хрупкий, изломанный внутренний мир от «безумного, безумного, безумного» мира.

В день знакомства с мамой Лены я немного волновался, ведь это было первый для меня такой «официальный визит» к маме моей девушки, но потом взял себя в руки. В конце концов, рано или поздно это должно было произойти, да и мне самому было интересно узнать Лену с этой стороны.

Мы встретились с Леной в метро на «Чкаловской» и вместе поехали к ней в Марьино. По дороге она говорила мне, что ее мама хорошая и современная, чтобы я не волновался. Я сказал, что не волнуюсь, и поцеловал Лену.

Когда мы вышли из метро, накрапывал небольшой дождик. Мы зашли в супермаркет, где я купил торт к чаю, и пошли на остановку. Лена прижалась ко мне, а я вспоминал тупые анекдоты про тещ, впрочем, помнил их я мало, да и вспоминать те, что помнил, быстро надоело. Наконец мы сели в маршрутку, и поехали. Через пять остановок мы вышли, и Лена показала мне на обычную многоэтажку.

– Это наш дом.

– А этаж у вас какой?

– Двенадцатый.

– Высоко.

Мы дошли до дома, и зашли в подъезд. Подъезд был обычным, в меру убитым, впрочем, после моего сквота, все здесь мне казалось верхом чистоты. Поднявшись на лифте, Лена позвонила в дверь.

Сердце у меня забилось чаще, руки вспотели. Наконец дверь открылась, за нею стояла мама Лены – довольно высокая, полноватая женщина средних лет. У ног ее вертелись две собаки, радостно встречая гостей. Лена бросилась обнимать собак, а ее мама сказала мне не бояться собак и быстрее заходить. В общем, все было сумбурно и весело, что сразу сняло мое небольшое напряжение.

Потом мы пили чай на кухне. Мама сказала, что ее зовут Марина Васильевна, и что я могу чувствовать себя как дома. Впрочем, я и так уже вполне освоился и говорил с ней и Леной о разных вещах, интересовавших маму. Марина Васильевна оказалась интересной собеседницей, на жизнь она зарабатывала гаданием (хотя она называла это занятие «прогнозированием»), в общем, чем-то связанном с астрологией. Еще она интересовалась каббалой, хотя в молодости закончила математический факультет МГУ (впрочем, может быть, как раз именно поэтому). У наших ног крутились две собаки вполне дворянской породы, вдобавок к ним из темноты коридора на кухню пришла кошка благородного серого отлива и стала тереться о мои ноги.

Марина Васильевна заметила кошку и сказала:

– А это Муся, наша хозяйка. Она у нас главная в доме.

Я чихнул (в последние годы у меня появилась аллергия на шерсть) и спросил:

– А собаки как?

– А собаки ее слушаются. Ленусь, ты что куксишься?

Лена улыбнулась и ответила:

– Все хорошо, мам. Я вас слушаю.

– Давай лучше еще чаю налей Вадиму. Видишь, у него почти не осталось в чашке.

Потом мама Лены спросила меня о моих родителях, затем о моих занятиях в Москве. Я старался отвечать максимально правдиво, опуская лишь некоторые подробности. Впрочем, казалось, что Марине Васильевне было все равно – где я работаю и чем занимаюсь, да и вообще судя по всей эзотерической обстановке квартиры, да и по роду ее занятий, такие земные вещи ее мало волновали.

Наконец чаепитие подошло к концу, и мы с Леной уже собрались уходить. Когда Лена ненадолго вышла в туалет, ее мама наклонилась ко мне и сказала:

– Вадим, ты наверно уже понял, что с Леной непросто общаться из-за ее характера, что у нее часто меняется настроение.

Я кивнул, мама Лены продолжила:

– Но она хороший человек, и ты это узнаешь. Я хочу лишь, чтобы она была счастлива, понимаешь? А мне кажется, что в последнее время после того, как она вернулась с юга, ей хорошо. У нее больше нет срывов, и она стала намного веселее, чем раньше. Так что я рада, что вы с ней сейчас... дружите.

– Спасибо вам, что... что вы все понимаете, – я волновался и с трудом подбирал слова. – Я постараюсь сделать так, чтобы она была... счастлива. Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Марина Васильевна сжала мою ладонь и кивнула, в этот момент вошла Лена. Мама весело спросила у нее:

– Ну как ты, Ленусь? Уже уходите?

– Да, нам пора.

Мы пошли одеваться. Мама вместе собаками вышла проводить нас до остановки, там мы еще немного поговорили, пока ждали автобус. Наконец он подошел, Марина Васильевна поцеловала Лену на прощание, а мне кивнула. Мы сели в автобус, я обернулся – мама махала нам варежкой, собаки снова крутились у ее ног.

По дороге Лена спросила меня:

– Ну, как тебе моя мама?

– По-моему, она замечательный человек. Очень добрая, и гостеприимная. – Я не знал, что нужно говорить в таких случаях.

– Да, она хорошая.

Лена уставилась в окно автобуса. Я помолчал и спросил:

– А почему ты не живешь с ней? Так было бы дешевле, не надо было бы снимать квартиру?

После паузы Лена ответила:

– Когда я заканчивала школу, у нас с ней был конфликт, и я ушла из дома. Я тогда любила одного человека, а маме казалось, что мне еще рано. И я решила доказать ей, что она неправа. Ну знаешь, юношеский максимализм, первая любовь... Стала жить с этим человеком, он был старше меня. Потом все закончилось, он вернулся в свою семью, бросил меня. Мне было тяжело, но я справилась... А потом, когда мы помирились с мамой, я уже не могла жить с ней как раньше. Я уже была слишком самостоятельной. Так что...

Она замолчала, я тоже молчал. Я знал, что у нее были «любви» до меня, как и у меня тоже в недалеком прошлом, все это теперь не имело никакого значения. Было лишь нестерпимо жалко ее – такую незащищенную, с тяжелым и горьким опытом, и все-таки верящую в любовь. Я обнял ее, она прижалась ко мне, но я не мог ничего сказать – в горле у меня стоял комок, и я лишь молча гладил ее сложенные на коленях ладони.

Глава 5

Все было замечательно в эту тихую, мягкую осень. Я жил как буддист, не строя планов на будущее, наслаждаясь каждым прожитым днем.

А потом незаметно наступила зима. Для прогулок теперь было холодно, и Лена обычно сразу после лекций ехала прямо ко мне. В сквороте тоже было холодно без центрального отопления, но у меня стоял обогреватель, так что жить было можно. Вечерами я лежал на кровати, уставившись в потолок, и размышлял о том, что все идет по плану. Иногда ко мне заходил кто-нибудь из местных обитателей занять денег на бухло или сигареты, мы с ним немного говорили об искусстве, потом он уходил, и я снова оставался один. Настроение в тот период было лирическое, я думал лишь о Лене, и хотя сквот был целый вечер наполнен шумом и гамом, там все время были какие-то пьянки, но я не обращал на это никакого внимания. Раньше бы меня раздражала вся эта богемная публика в нашем сквороте, все эти бездарности, мнящие себя новыми Ван Гогам и Гогенами, но теперь я был абсолютно спокоен, мне было даже интересно иногда наблюдать за ними.

Наконец Лена приходила со своих лекций, и наступало счастье. Мы выпивали с ней по бутылке пива (впрочем, иногда мы пили вино), с невозмутимым видом общаясь на всякие отвлеченные темы, но внутри мы уже дрожали от нетерпения и желания обладать друг другом. Наконец она садилась ко мне на колени и говорила о том, как она по мне соскучилась. Ее голос звучал так чудесно, в нем было какое-то внутреннее содрогание, в этот момент она напоминала мне маленькую девочку, которая пришла пожаловаться своему папе, что ее обижают. Я слушал ее и вместо ответа целовал, потом снова и снова. Постепенно мы срывались с катушек и полностью теряли над собой контроль. Я обнимал ее, прижимал к себе, сдавливал в своих объятиях, а она только нежно что-то говорила, если могла еще что-то говорить. Все это напоминало какое-то сумасшествие, в такие минуты уже не соображаешь что делаешь, все происходит абсолютно импульсивно, основываясь на каких-то диких инстинктах, которые сидят где-то глубоко внутри каждого из нас. Потом мы переходили к сексу, не в силах больше сдерживаться, обычно сначала я делал ей куннилингус, доводя ее почти до сумасшествия, потом она возбуждала меня ртом или руками (хотя обычно этого не требовалось, я уже был давно готов), и, наконец, мы приступали к настоящему сексу. Что ж, он был действительно великолепен. Секс с женщиной, которую ты хочешь – это уже замечательно, но секс с любимой женщиной – это лучшее, что вообще может с тобой быть в этой жизни. Продолжался он иногда часами, мы кончали, отдыхали, потом все повторялось снова. В сексе Лена любила насилие, чтобы ее просто, выражаясь русским языком, «ебали», что я и делал, в этом наши желания совпадали. Это была власть мужского начала, это был настоящий, природный половой акт, и все в нем было естественно и нужно, правильно и необходимо.

Наконец мы уставали и просто лежали на кровати, обычно она так и засыпала. Сил на то, чтобы сходить в ванную уже не оставалось, да и ванной в сквороте собственно не было – так, самодельный душ. Иногда она все-таки вставала и шла в этот душ, я наблюдал за ней, и, конечно, она была в этот момент воплощением женской красоты в нашем несовершенном мире.

Так прошло около месяца – теперь я был влюблен и часов не наблюдал. Как-то, когда мы лежали на кровати после всего, я сказал Лене:

– Давай залезем на крышу.

Лена улыбнулась:

– На какую крышу?

– Да на нашу. Как сюда приехал – все собираюсь, а до сих пор не был там. Сквот снесут, а я и не побываю.

Мы взяли пакет вина и полезли на крышу. Попасть туда было довольно сложно, пришлось пролазить по сломанной лестнице на чердак, потом в темноте шататься по нему, отыскивая выход на крышу, но в итоге мы все-таки оказались на самом верху нашего сквота.

Мы сидели на железной крыше, и смотрели на город. Вид отсюда открывался замечательный. Видно было практически весь центр Москвы – Кремль, храм Христа Спасителя, старые и новые дома, церкви. Все это было освещено каким-то общим светом, от фонарей и машин, и казалось, что Москва – единственный настоящий город в мире. Мы пили вино, смотрели на всю эту красоту, а я думал, что счастливее меня в этот момент нет никого.

– Как ты думаешь, Лен, что будет с нами через 10 лет?

Лена задумалась и ничего не ответила. Я наклонился и поцеловал ее, потом чокнулся с ее пластиковым стаканчиком.

– Все будет хорошо, Лен, я это точно знаю. У нас будет куча детей, и мы будем жить вместе на берегу моря.

Лена грустно улыбнулась в ответ. Мне стало жалко ее, но я лишь выпил вино из стакана и уставился на вид перед собой. Мы молчали. Я хотел, чтобы этот момент длился всю мою жизнь.

Через несколько минут я посмотрел на Лену – она сидела, закутавшись в свое серое пальто, и смотрела куда-то перед собой с абсолютно отрешенным видом. Я подошел к краю крыши и посмотрел вниз. Было видно двор, там была навалена куча мусора, подтаявший снег тоже был кем-то свален в несколько куч. Во дворе было темно. По соседней улице, откуда во двор падал свет от фонарей, иногда ездили машины.

Я почувствовал какую-то сильнейшую пустоту во всем этом, как будто в мире закончился смысл. Захотелось прыгнуть вниз. Несколько секунд я боролся с этим желанием, наконец справился с собой и обернулся к Лене. Она все так же сидела, уставившись в темноту невидящим взглядом. Я крикнул ей:

– Лен! Лена!

Ее голос был спокоен:

– Чего?

Я подбежал к ней, упал перед ней на колени и стал обнимать ее.

– Я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Понимаешь, Лен? Только ты и я. Мы должны быть вместе, иначе никак. Хорошо?

Она кивнула. Я прошептал, прижавшись к ее голове:

– Я без тебя не смогу.

Лена отстранилась, я посмотрел ей в глаза.

– Ну, что скажешь?

– Вадим, я тоже не могу без тебя.

Я сел рядом с ней и прижал ее к себе, Лена дрожала.

– Почему ты дрожишь? Замерзла?

– Нет. Просто так.

Мы немного помолчали.

– Я люблю тебя, Лен.

– И я тоже.

Стало очень тихо, и только звуки от машин с дороги иногда доносились до нас. Мы молчали, Лена дрожала все меньше. Подул резкий ветер, но мы еще долго сидели на крыше, прижавшись друг к другу.

Да, это было счастье. В первый раз в моей жизни. А, может быть, и в единственный.

И все-таки, даже самого полного счастья не бывает достаточно. Человеку – всегда всего мало, он в любой, даже самой лучшей ситуации в своей жизни, найдет – чем загрузиться. Увы – это так. Вот и я тоже в те дни мучительно думал о том, что же ждет нас с Леной в будущем.

Мы закончим университет, поженимся, будем работать, родим детей и т. д. и т. п. Все это было слишком уж просто, дорога представлялась слишком ровной, а я знал, что так в нашей жизни не бывает. Всегда будут возникать какие-то проблемы, всегда будет что-то мешать. Даже наше положение сейчас было слишком шатким, в любой момент могло что-то случиться – снести сквот, выгнать меня с работы, в конце концов – кого-то из нас могла сбить машина на улице. И как тогда жить дальше? Я так дорожил счастьем, которое у нас было, что отчаянно боялся любой опасности, которая могла ему грозить. Наверное, все дело было в том, что я до сих пор не мог привыкнуть к этому волшебному ощущению, которое свалилось на меня в тот незабываемый день нашего знакомства на пляже в Коктебеле.

Впрочем, дело не только в этом. Мне все чаще казалось, что я не могу просто так быть счастливым, что я этого не заслужил, что я просто выиграл в какую-то лотерею и все мое счастье может внезапно закончиться. И что, в конце концов, я должен что-то отдать взамен этого счастья, я должен что-то сделать. Сделать для своего народа, для своей страны.

Мне нужно было разобраться в себе, понять – чего я хочу. Так сложилось, что как раз в эти дни «горестных раздумий» я поехал по делам в свой родной город, благо, что на работе в ближайшее время никаких съемок не предвиделось. У себя дома я и нашел ответ.

Моя малая родина, мой Саранск – не самый красивый город в мире, но он определенно удивителен. Удивителен по своей атмосфере, абсолютно неповторимой, какой-то домашней и уютной. Я всегда люблю приезжать в него. Может быть, я просто привык к нему. Он не слишком велик, но и не мал, в общем, по российским меркам – средний по размеру. Как и в других городах нашей страны, в нем есть проспект Ленина, есть улицы с советскими названиями, с дореволюционными – в общем, привычное для современной России смешение всего со всем. У Саранска есть своя история, пусть и не такая длинная, как у древних русских городов, но за свои 365 лет он уже пережил немало, впрочем, пусть про это пишут историки. Его можно назвать промышленным городом, в основном жители Саранска работают на нескольких заводах, но, в то же время, в городе есть два университета, причем один из них – третий по величине в России. Есть несколько театров, музеи, другие заведения культурного отдыха. Конечно же, есть несколько ночных клубов и просто кабаков. Так что, мой город имеет вполне развитую инфраструктуру для работы и отдыха, как сказали бы раньше. В последние годы «стабильности» его серьезно благоустроили, так что он даже стал занимать призовые места на каких-то всероссийских конкурсах в этой области. В общем-то, он хорошеет и это меня радует. Жалко только что жизнь обычных людей у нас лучше от этого не становится.

Саранск – столица национальной республики, это накладывает определенный отпечаток на жизнь города, придавая ему свой колорит по сравнению с чисто «русскими» городами. Впрочем, большинство населения города – русские, и их соседство с «титульной нацией» никогда не приводило к каким-либо серьезным конфликтам. Мордва, как и все финно-угры, довольно спокойный народ, трудолюбивый и упрямый. Да и, как известно, чисто русских у нас в стране уже не осталось, все давным-давно перемешались, и, как писал Есенин, «затерялась Русь в мордве и чуде».

Саранск прекрасен, и как объяснить то – почему он прекрасен, я не могу. Есть в нем какое-то очарование, какая-то внутренняя притягательная сила, которая заставляет меня внутренне радоваться каждый раз, когда я возвращаюсь в него из Москвы или других мест. Есть какое-то ощущение, что это – мой город, что в нем живут хорошие, умные люди, что в нем ты будешь счастлив. Откуда берется такое ощущение, во многом наивное – не знаю, но таково свойство Саранска, и ничто уже не может победить его во мне, ничто не может вытравить эту любовь к моей малой родине.

Я приехал в Саранск рано утром на фирменном поезде. Был январь, стояла яркая, морозная погода. Я живу недалеко от вокзала, поэтому пошел домой пешком. Хотя, в общем-то, в Саранске вообще все рядом. Было так радостно идти по моему прекрасному, светлому городу, по улице, покрытой белым, искрящимся снегом, выдыхать изо рта пар и наблюдать за машинами, проносящимися по дороге, за людьми, идущими тебе навстречу, и, конечно же – за воронами, сидящими на деревьях и радостно каркающими по поводу и без всякого повода, просто – от полноты жизни в это январское утро.

Дома меня ждали мои родители, которых я не видел уже полгода. Я люблю их, но уже давно уехал из дома и теперь, наверное, не смог бы постоянно жить вместе с ними. Впрочем, этого от меня и не требовалось, по крайней мере, пока.

Родители у меня самые обычные люди, всю жизнь проработали на производстве, жили просто и честно, воспитали двоих детей. В общем, они из тех, кого у нас называют «рабочая интеллигенция». Сколько себя помню, с деньгами у нас в семье всегда было туго, но в советские времена жить все-таки было можно. В девяностые стало хуже, но уже выросла старшая сестра, вышла замуж, я тоже уехал, так что жизнь родителей хоть немного облегчилась. Что касается распределения ролей, то, конечно, мать – главный человек в семье, и, наверное, в этом причина многих моих комплексов. У нее жесткий характер, и в детстве именно она воспитывала меня, наказывала или поощряла за что-то. Впрочем, насколько я знаю, такая ситуация далеко не редкость в наших семьях. Характер отца хоть и мягче, но эгоистичней, впрочем, чувством юмора и самоиронии он не обделен.

Так сложилось, что отношения мои с родителями довольно близкие, но мы почти не говорим на темы моей личной жизни, я этого не люблю. Между нами есть искренность, но всегда есть какие-то темы, на которые наложено табу. Почему так получилось – не знаю, может быть из-за наших характеров, может быть только из-за меня или еще из-за чего-то. Но я, как уже говорил, люблю своих родителей, они хорошие, интеллигентные люди, хоть это и звучит банально. И все же, хоть я и стал взрослее, но я никак не могу найти в себе силы переступить что-то в себе и однажды заговорить с ними о том, что меня по-настоящему волнует. Может быть, когда-нибудь потом, этот разговор наконец случится, я этого не знаю.

В день приезда мы отмечали день рождения отца. Мама накрыла стол, мы сидели за ним втроем – ели, пили, веселились. Рядом с нами у стола сидел кот Михаил – мохнатое существо с персиковой шерстью, я его очень люблю. День рождения отмечался как ему и полагается отмечаться, все было как всегда. Те же шутки, те же тосты, то же настроение. Позднее я понял, что это и есть самое ценное в нашей жизни, но тогда – тогда мне было скучно. Я не мог говорить искренне о своей жизни, не мог спрашивать у родителей ответов на мучающие меня вопросы, а все остальное мне уже было давно известно.

Отсидев за столом положенное время, я встал и ушел к себе в комнату. В такие минуты особенно хорошо понимаешь ценность того, что у тебя есть друзья. С родителями все-таки не можешь обсудить то, что тебя волнует. Я, по крайней мере, не мог. Я постоял немного на балконе и пошел к другу.

Леха обрадовался моему приходу, хотя он только что пришел со своего завода, где работал во вторую смену. Леха – мой лучший друг, мой сосед и бывший мой одноклассник. После школы он отслужил в армии, потом устроился работать на завод слесарем. Он, как говорится, простой парень. Работал себе по сменам вот уже пятый год, женился три года назад, сыну Мишке два года, пил водку по выходным – в общем, был типичным работягой. И я уважал его за это. А он – меня, хотя особых причин для этого не было. Я не работал нигде постоянно, вел странную, с точки зрения Лехи, жизнь, но мы были друзьями, и это было единственное, что было важно.

Мы обнялись с Лехой, потом покурили на балконе, пока его жена Светка накрывала на стол. Затем мы сидели все вместе на кухне за этим столом, пили водку и вспоминали, вспоминали... Наши общие воспоминания – вот, что у нас было сейчас, и этого уже было немало.

Леха вспоминал, как в школе мы ездили в турпоход на Волгу, сколько всего разного там с нами произошло.

– А помнишь, как Диман по пьяни закинул мои сапоги на деревья, а я с утра спросонья надел твои, и пошел рыбу ловить? А ты потом бегал по берегу, матерился и обещал нас поубивать. Помнишь?

Я помнил. Тогда все было как-то в новинку, ну это и понятно, мы же были совсем молодые. Странное дело, я и сейчас был вроде не старый, но чувствовал себя прожженным циником из романа Мариенгофа. Впрочем, это тоже говорило о моей длящейся молодости.

Светка ушла в парикмахерскую, и мы стали вспоминать о наших школьных подругах. На самом деле, в школе я любил только одну девочку – Таню, мою одноклассницу. Впрочем, это не мешало мне приставать и к другим ровесницам.

– Помнишь Маринку, – наседа на меня Леха, – я ведь с ней в одиннадцатом классе еще замутил. Потом год встречались после школы.

– А дальше че не стали?

– Дальше... Дальше меня в армию забрали. А потом вот, когда дембельнулся, она уже замужем. Ну, а мне по херу, я Светку на дискотеке встретил и все – шуры-муры, все дела. Пока не родила.

Леха ржет.

– А сейчас че? После того как родила?

– Да, нормально все, я так – прикалываюсь. А ты помнишь как с Танькой-то? Ну как вы это?

– Ничего, нормально мы это. Хорошо было.

– Ага, было да прошло. Ну, давай за тебя что ли.

Во время распития второй бутылки Леха окончательно окосел, и мы пошли прогуляться на улицу – подышать свежим воздухом. На улице было холодно, и мы зашли к нашему общему другу Дену, выпили у него. Потом мы гуляли по своему району (в простонародье он называется «низы»), приставали к каким-то бабам, потом пили пиво в какой-то подворотне. Потом откуда-то выехал «газик» с ментами, и мы стали удирать от них, перелезли через какой-то забор, потом еще через один забор, потом перешли через железную дорогу и оказались на берегу Инсара – речушки, которая течет через весь Саранск.

– Кажись, ушли. – Леха кое-как переводит дыхание, я вспотел и ем снег. – Слушай, а Ден-то куда делся?

Я огляделся – Дена действительно нигде не было.

– По ходу, он к Посопу свернул.

– Бля, и мобилы нет у него, не позвонишь.

– Да ладно, не поймают его, они вон на сколько отстали.

– Слушай, а здорово мы их, да? – Леха довольно смеется, я тоже улыбаюсь. – Они думают – все, тепленьких нас, а мы через забор – и пиздец. Хер им, а не вырезвитель!

Наконец мы отдышались и идем по берегу Инсара. Это небольшая речка, по берегам ее в основном растут кусты, иногда деревья. В детстве мы часто рыбачили здесь, зимой ходили на лыжах через реку в Ботанический сад.

– Я вот здесь по осени такую шуку вытащил, кило три было точно! – Леха и сейчас частенько ходит на рыбалку, это для него святое. – Едва удочку мне не сломала, сука. На живца ловил.

Мы идем дальше. Я смотрю вокруг – темно, только светлеют поле и река, покрытые снегом. Сколько счастливых дней было у меня здесь! В детстве не думаешь об этом, но сейчас –

сейчас так хочется хотя бы на один день вернуться туда, в это время, которое было наполнено вечным праздником, вечным ожиданием чуда. Хотя, конечно, и тогда все было не так благополучно, были какие-то свои проблемы, но ведь запоминается только хорошее! Странное ощущение – идешь вот так по берегу реки, и внутри тебя все словно бы очищается, ты опять тот, каким был здесь лет пятнадцать назад. Вот это дерево, с которого мы прыгали как парашютисты в снег, вот склон, где мы рыли каждую зиму землянку в снегу, и где каждый год устраивались снежные бои между «нашими» и «немцами». Почему я вспоминаю об этом каждый раз, когда здесь бываю? Ведь столько воды утекло. А здесь ничего не изменилось, только еще больше зарос весь берег репейником и хвощом. Все осталось так же, как тогда – поэтому и вспоминаю все так отчетливо и ясно.

– Че делать будем? – Леха начал замерзать. – Надо бы добавить для сугрева.

– Сейчас закрыто уже все.

– Круглосуточный на Невской есть. Или можно самогонку взять, знакомый один гонит.

Чтобы не идти далеко, решили взять самогонки. Снова переходим железную дорогу, потом идем по тесной маленькой улочке, заставленной деревянными домиками. Поворачиваем на соседнюю, проходим еще три дома, и Леха стучит в дверь какой-то халупы. В ответ нам лает собака, стучим в окно, пока наконец-то к нам не выходит какой-то мужик лет шестидесяти в накинутах на плечи ватнике.

Леха приветствует его:

– Здорово, Михалыч.

Михалыч недоволен.

– Че так поздно?

– Ну, так уж получилось, звиняй друг. К тебе можно?

– Получилось... Ладно, заходи.

Леха вместе с Михалычем исчезает в доме, я жду его, наблюдая звездное небо. Все-таки старина Кант в чем-то был прав, на небо действительно замечательно смотреть, особенно, если ты под градусом. Через десять минут Леха появляется около меня, в руках у него бутылка из-под водки «Эрьзя», в которой плещется мутная жидкость.

– Нормально, первач почти-то. – Леха радостно хлопает себя по бокам. – Сейчас дернем тут по децлу.

Мы отходим под какое-то дерево, там садимся на бревно, припорошенное снегом, и Леха достает из кармана взятые у Михалыча стаканы.

– А закусить есть что-нибудь? Или запить? – Я с тревогой смотрю на мутную жидкость, умело разливаемую Лехой по стаканам.

– Да не ссы, сэм классный – сам пойдет. – Потом он все же достает из-за пазухи луковицу и кусок черного хлеба. – На, закусывай.

Мы чокаемся, я нюхаю свой стакан – жидкость пахнет прелыми тряпками. Леха тем временем выпивает, крикает и занюхивает рукавом. Собравшись с духом, я тоже выпиваю половину из налитого, чувствую внутри себя огонь, и срочно занюхиваю хлебом, потом отламываю от него кусочек и медленно жую его. Ощущение, что внутри меня началась революция.

– Ну что – заебись пошла? Сразу согрелся, поди? – Леха довольно улыбается. – Я же говорил – классный сэм, всегда у Михалыча беру. Че – еще по одной?

Ко мне возвращается дар слова:

– Не, не, погоди, не гони лошадей, дай в себя прийти.

– Как хочешь, торопиться некуда.

Леха закуривает, я снова смотрю на небо. Из-за выступивших от самогонки слез оно кажется дрожащим и переливающимся, все в нем таинственно и чудесно. Мне кажется, что я чувствую музыку сфер.

– Эх, бля, как все заебалось! – Леха машет рукой. – Давай еще по одной за встречу.

Я соглашаюсь, и мы пьем дальше. Больше в этот вечер я уже ничего не помню.

Глава 6

На следующий день с утра я проснулся на полу в зале в квартире Лехи, сам он храпел на диване. Был полдень, Светка с утра ушла на работу в поликлинику.

Кое-как я встал на карачки, потом на ноги. Голова трещала, словно меня всю ночь колоутили по ней дубинкой, также, естественно, был и дикий сушняк. Я побрел на кухню заваривать себе чай.

Через час мы с Лехой опохмелялись разливным пивом в ларьке у вокзала. Стояла оттепель, снег на улице таял и превращался в грязно-желтые разводы из-за песка, которым его посыпали. Лехе нужно было на завод во вторую смену, а я был абсолютно свободен, пиво сняло на время головную боль, и поэтому настроение у меня было замечательное.

Леха все сокрушался, что ничего не помнит, пришлось рассказать ему в общих деталях события ночи, которые я сам помнил. Леха обрадовался, что ничего страшного мы не наделали, и с легким сердцем поехал на свой завод. Я отправился домой.

Дома меня ждали родители, и после некоторого количества внушений по поводу моего загула, все снова было спокойно. Я обзвонил друзей, узнал их новости, сделал некоторые дела. Видеть в этот день уже никого не хотелось, но оказалось, что сегодня вечером будет концерт местных групп, где играл и мой знакомый. Я давно уже не был на таких мероприятиях, и успел по ним соскучиться. Кроме того, делать все равно особо было нечего, да и дома оставаться не хотелось, так что вечером я пошел на концерт.

Данное мероприятие проходило в ДК «Строитель», до которого можно было ехать на автобусе, но можно было и пешком – в Саранске, как я уже говорил, практически все близко. Я пошел пешком, так было приятней.

Когда я подошел к ДК, там уже собралась толпа местных неформалов. Рок-концерты в Саранске – явление нечастое, поэтому местная публика ими не избалована и посещает практически все. Народ у входа (в основном это были тинейджеры) пил пиво и прочие горячительные напитки, обсуждая варианты бесплатного проникновения в ДК. Вариантов было много – кого-то проводили знакомые музыканты, кто-то проходил по использованным билетам, кто-то пролазил через окно туалета сбоку здания. Я не хотел заморачиваться, и поэтому прошел внутрь, купив билет за 50 рублей.

Внутри было убранство обычного советского ДК, в котором не было ремонта со времен его постройки. Как и все, я не стал раздеваться в гардеробе, а сразу пошел в актовый зал, откуда доносился грохот музыки саранских металлистов.

Внутри уже было полно народа, почти все нефоры были пьяные и громко орали под аккорды, доносящиеся из убитых колонок, установленных на сцене. У входа стоял милиционер, но на него почти не обращали внимания, хотя все-таки и не бухали в самом зале, а выходили с этой целью на улицу или в сортир. Я пробился ближе к сцене, где было еще больше колбасни, но через пять минут металлисты наконец-то закончили свое выступление, и их фаны потянулись к выходу.

На сцену вышел мой знакомый – хотя его имя было Алексей, но все его звали просто по отчеству Петрович. У него была странная группа, называлась она тогда «Глюкоза» (потом она поменяла свое название), и играла такой медитативный рок. Петрович был вокалистом, гитаристом и автором всех песен. Я познакомился с ним за несколько лет до этого, через одного своего знакомого – Саранск невелик, и все неформалы знают друг друга. Конечно, я не был неформалом, и не особо любил все эти тусовки, но, по крайней мере, мне они были ближе, чем обычная саранская гопота (за исключением друзей, конечно).

Почему-то я сразу запал на музыку, которую играл Петрович, хотя ничего особого в ней не было. Тем не менее, она резко выделялась на общем фоне саранского рока каким-то своим

особым звучанием, какой-то своей серьезной смысловой нагрузкой, и одновременно – своей душевностью, что ли. Петрович не играл, он жил во время концерта, и, хотя его исполнение часто хромало, мне передавалось это ощущение искренности и серьезности его песен. И главное, что, как мне казалось, он каким-то образом сумел в своих песнях выразить душу Саранска, поймать его настроение, какое-то ощущение этого города, которое было и во мне. Я не знал – как это сформулировать, но он цеплял меня чем-то в своих песнях, и задевал во мне те глубинные вещи, которые сформировались во мне, пока я жил в Саранске.

Мы как-то сразу подружились с ним, хотя и нечасто встречались. Наверное, мы просто были близки по духу, в этом все дело. Когда мы все-таки встречались (обычно на концертах или репетициях его группы), мы просто трепались, пили пиво, но у меня постоянно было ощущение, что я нахожусь вместе с одним из самых интересных людей в Саранске.

Концерт продолжался, Петрович завывал в своем фирменном стиле, а я погрузился в воспоминания. Когда-то я сам был таким же, как все эти подростки, окружавшие меня, слушал русский рок, обожал альтернативу. Теперь же лишь только что-то вроде ностальгии копошится глубоко в душе, но мне так не хочется взрослеть и играть во все эти серьезные игры. А на этом концерте я чувствую себя снова семнадцатилетним пацаном, которого не волнует ничего в жизни, кроме музыки, баб и бухла.

Петрович закончил выступать, вместо него стали выступать какие-то альтернативщики. Погруженный в свои мысли, я не сразу заметил, что на сцену вылезло несколько скинов в бомберах и тяжелых ботинках, которые стали что-то орать. Потом они спустились со сцены, начали ломать стулья в зале и кидать их в слэмящуюся толпу неформалов. Я стал пробираться к выходу, в это время в зале уже завязалась потасовка, стоял дикий ор и мат. Откуда-то из-за кулис на сцену выбежали директор ДК вместе с милиционером, стали кричать в зал, чтобы все прекратили драку, в ответ в них кинули стулом, за ним полетели бутылки, что заставило их скрыться обратно за кулисы. Драка разгоралась, дрались уже почти все, кто был в зале, мне тоже несколько раз попало, пока я кое-как не добрался до выхода из актового зала. Вышел в коридор я как раз вовремя – по нему навстречу мне уже бежали несколько милиционеров с резиновыми дубинками в руках.

Я отскочил в сторону, и милиционеры промчались мимо меня, пропав в зале, откуда сразу же послышался их густой мат и глухие удары дубинок. Нужно было срочно уходить, и я пошел к выходу, мимо меня в ту же сторону пробежало несколько неформов, вырвавшихся из месилова. У входа уже стояли три милицейских «газика», где-то неподалеку слышался вой сирен – в запасе было совсем немного времени, и я побежал в ближайший двор. Оттуда я также дворами добежал до соседней улицы, откуда уже можно было безбоязненно идти в сторону дома. Собственно, такими побоищами в пока еще недалекие девяностые годы заканчивались почти все рок-концерты, проходившие в Саранске, но в последнее время местная гопота стала значительно продвинутой и толерантней, и лишь скины, появившиеся у нас в городе относительно недавно, иногда, как сегодня, устраивали драки, впрочем, в виду малочисленности скинов, происходило это довольно редко.

Приключений на сегодня было достаточно, я вполне прочувствовал дух Саранска и вспомнил молодость, поэтому бодрым шагом шел к себе домой, думая о чем-то неизбывном, как пишут в психологических рассказах. Проходя мимо остановки, я обратил внимание на девушку, которая в одиночестве сидела на скамейке. Она показалась мне знакомой, я подошел к ней – так и оказалось. Это была Жанна, девушка с которой у меня был роман несколько лет назад, когда я еще жил в Саранске. Я давно уже не видел ее, но отлично помнил, что она была интересным человеком, необычным для нашего города, в котором не приветствуется хоть какая-нибудь оригинальность.

Я подошел к ней, она узнала меня и обрадовалась. Странно, мы не виделись несколько лет, а она все еще рада мне. Я сел рядом и сказал:

- Автобус ждешь?
- Да.
- Была на концерте в «Строителе»?
- Ага, оттуда.
- Я тоже.

Помолчали, но чувствовалась, что у нее еще осталось напряжение от всего этого действия в ДК. Наконец Жанна возбужденно сказала:

- А ты в драку не попал?
- Я нет, почти. А ты?
- Я за сценой была, ушла сразу.
- Молодец.
- Там сразу было понятно, что что-нибудь начнется, когда эти скины приперлись.
- Да уж.

Замолчали. Я вспоминал наше знакомство.

Жанна была тем, что называется в нашей культуре словом «бард», но, несмотря на это, она мне очень понравилась. Я обратил внимание на нее на каком-то акустическом концерте, она играла после Петровича. Почему-то я сразу запал на нее, хотя она не была особой красавицей. Хотя нет, что-то в ней было – она была стройная, среднего роста, брюнетка, с правильными чертами лица и монгольскими скулами. Чем-то в своей внешности она сразу цепляла, хотя я и не мог понять – чем. Я смотрел на нее, не отрываясь – на то, как она играет, как смотрит куда-то вдаль невидящим взглядом, как встряхивает челкой, закрывающей ей глаза. Песни ее были довольно интересны, по крайней мере – оригинальны, голос тоже был хорош, но я находился под впечатлением всего ее образа – какого-то неземного, словно она была не от мира сего. Конечно, тогда я был совсем неопытен в этих делах, но может быть, это и было самым замечательным.

После концерта я попросил Петровича нас познакомить, что он и сделал. Жанна оказалась весьма милым и общительным человеком. Как водится на всех местных концертах, самое замечательное происходит после них – мы направились пить пиво в сквер за Центром Культуры, в котором собственно был концерт. Стояло жаркое лето, кажется, был июнь, и было так замечательно пить холодное пиво в тени деревьев. В этом сквере всегда по вечерам тусуется неформальная молодежь, попивая пиво или покуривая «траву» – такое место встречи. Иногда появляются менты, задерживающие кого-нибудь за распитие спиртного в общественном месте, но это происходит редко. В общем, там неплохо.

Так мы и просидели до самого вечера, а потом, когда стусились сумерки, уже изрядно пьяные мы целовались с Жанной в кустах по соседству, потом я пошел провожать ее домой, и мы долго стояли возле ее старого «сталинского» дома, о чем-то говоря, но, по большей части, просто опять же целуясь. Наконец, она все-таки пошла домой, а я долго еще гулял по центру, чувствуя себя совершенно счастливым.

Так начался наш летний роман, о котором я и теперь еще вспоминаю с удивительной теплотой. Жанна училась в музыкальном училище игре на фортепиано, кроме того, она писала стихи, сочиняла песни... в общем, была творческим человеком. Мне было с ней интересно, я тоже старался поддерживать реноме, цитировать умные книги. Впрочем, обычно этого не требовалось, к счастью, мы вели себя как самые обычные влюбленные – гуляли по городу, взявшись за руки, целовались где придется, судорожно хотели заниматься любовью. Вскоре мы осуществили это наше желание в квартире у Жанны, пока ее родители были на работе. Все было замечательно, все уже что-то где-то попробовали, и нам не приходилось мучительно стыдиться и краснеть от каких-то сложных слов. Так продолжалось до осени, пока в один погожий сентябрьский день я не узнал от Жанны, что у нее теперь есть новый парень – музыкант из группы, которую она собрала, и нам надо расстаться. Ну что же – пришлось расстаться, хотя

я и мучался из-за этого некоторое время. Впрочем, вскоре я забыл Жанну, или точнее говоря – не думал о ней. А потом я уехал в Москву.

И вот теперь мы сидели вместе на автобусной остановке в этот уже январский вечер. Я не знал, что сказать.

– Как у вас с Мишей?

Ее музыканта звали Миша.

– Никак. Мы расстались с ним еще осенью.

И снова потянулась пауза.

– Что домой не едешь? Три маршрутки уже прошли.

Она обернулась и посмотрела в упор мне в глаза. Выражение лица ее было каким-то растерянным, кончики рта дрожали, а в глазах, как мне показалось, застыли слезы. Да что там показалось – она и в самом деле плакала, теперь я уже точно видел это. Я обнял ее, она сильно дрожала и прильнула ко мне всем телом. Я гладил ее по волосам, она тихо хлопала носом и размазывала слезы по лицу.

– Может, выпьем чего-нибудь?

Она утвердительно кивнула, и мы поднялись со скамейки. Так, в обнимку мы и дошли до ларька неподалеку, где я купил пару коктейлей. Потом мы присели на скамейку в соседнем дворике, немного посидели там, потягивая из банки. Было уже часов одиннадцать вечера, когда Жанна немного успокоилась и закурила длинный «Гламур». Я тоже взял у нее сигарету, так мы посидели минут пять, когда она внезапно сказала:

– Слушай, тут ведь недалеко кладбище?

За соседней улицей, недалеко от телебашни действительно было старое городское кладбище, на котором давно уже никого не хоронили.

Жанна еще отпила из банки и сказала:

– А пойдём туда.

– Зачем?

– Просто погуляем.

Я знал, что одно время Жанна была готкой и, наверняка, посещала это кладбище, так что не особо удивился ее предложению.

Мы пошли на кладбище, взяв по пути бутылку вина в круглосуточном магазине. Перейдя через дорогу, мы зашли за ограду сквозь почему-то незапертые ворота и пошли по длинной аллее. Центральная аллея была освещена, свет отражался от снега, и рядом с этой аллеей было довольно светло, хотя уже в соседних стоял полумрак. Мы дошли до памятника павшим воинам, постояли у вечного огня, рядом с которым валялись «бомжпакеты» и пустые бутылки, а потом повернули куда-то вглубь кладбища, туда, где все тонуло в сумраке, сквозь который светились огоньки домов.

Забравшись в глубину кладбища, мы сели на скамейку у какой-то могилы. Могила была занесена снегом, так что из сугроба торчал только железный крест. Вокруг нас то тут, то там из таких же сугробов тоже торчали покосившиеся кресты или железные надгробия, но мне нисколько не было страшно – наоборот, на кладбище было интересно и даже, можно сказать, весело. Вокруг стояла тишина, ближе к ночи стало чуть холоднее, и я выдыхал изо рта едва видимый белый пар, который медленно поднимался к небу, утыканному яркими колючками звезд.

Мы открыли вино, и пили его из горлышка, передавая друг другу. На снег случайно пролилось несколько капель, и стало казаться, что здесь только что совершили ритуальное убийство. Мы пили молча, и казалось, что нас самих уже давно нет в живых.

Наконец я все-таки спросил Жанну:

– А почему ты плакала на остановке?

После паузы она ответила:

– Так, ерунда.

Потом она вдруг обернулась ко мне и поцеловала. Мы целовались с ней долго, и во время поцелуя она начала судорожно снимать с меня куртку, потом засовывать руки мне под свитер. Я все понял, встал и, сняв куртку, постелил ее на снег. В это время она уже снимала свое пальто, потом кофту, и через минуту мы уже занимались с ней сексом прямо на моей куртке возле занесенной снегом могилы. Хотя на улице было уже довольно холодно, мы, разгоряченные алкоголем и желанием, почти не замечали этого, и любили друг друга раз за разом. В этом было что-то первобытное, я обнимал Жанну, целовал ее лицо, вдыхал запах ее волос, в голове проносились какие-то обрывки мыслей. Мне казалось, что это наше совместное путешествие в ночь длится целую вечность, что мы занимаемся сексом уже несколько месяцев, лет, что все это никогда не прекращалось. Все вокруг нас было каким-то ирреальным, каким-то выдуман-ным, и только мы двое, лежавшие посреди этого чертова мира, были единственными, кто еще оставался в живых, и мы должны были спасти этот мир, спасти тем, что мы сейчас делали – и это было единственное по-настоящему важное дело, которое от нас требовалось.

Сколько все это продолжалось я не помню, но определенно довольно долго. Наконец все закончилось, и мы постепенно приходили в себя, лежа на все той же моей куртке. Впрочем, скоро нам стало холодно, мы стали одеваться, а потом уже сидели на скамейке, допивая вино. Я снова гладил Жанну по голове, мы снова молчали, но теперь уже все было по-другому. Что-то изменилось, как будто мы сами стали другими людьми, ранее не знакомыми и лишь только теперь узнавшими друг друга. Звезды над нами по-прежнему светили равнодушными колючками, но теперь это было не важно.

Вино закончилось, и я сказал:

– Ну что – домой?

Жанна кивнула, и мы пошли к выходу из кладбища. Фонари бросали свой свет на могиль-ный снег, и, наверное, мы выглядели в этом свете двумя мертвецами. Впрочем, это тоже было неважно. Больше пить мы не стали, на остановке я поймал машину и посадил Жанну. На про-щание она поцеловала меня и крепко сжала мою ладонь, потом я захлопнул дверь, и машина, взвизгнув на обледеневшей дороге колесами, быстро тронулась с места и помчалась, вскоре я видел только ее задние огни в темноте. Самому мне надо было в другую сторону, но я не стал ловить машину, а пошел пешком.

По дороге мне в голову лезли всякие мысли о прошлом и будущем, но я старался отгонять их, чтобы сохранить внутри себя это ощущение какого-то вселенского покоя и отчужденности, какой-то странной умиротворенности.

Придя домой, я почти сразу лег спать, но почему-то долго не мог заснуть. Казалось, что если заснешь сейчас, то навсегда потеряешь это замечательное состояние души, которое я так явственно ощущал. Я смотрел в окно, и думал, что теперь уже долго не увижу Жанны. Впрочем, мне этого и не хотелось. Жалко было лишь забыть запах ее волос. Незаметно для себя я все-таки уснул.

Глава 7

Утром, вспоминая вчерашний вечер, я понял, что все то, что было на кладбище – было лишь один раз, и больше такого уже никогда не повторится. А еще я понял, что с Леной у нас все по-другому, и вот это – это уже очень серьезно. Теперь я уже совсем не сомневался, что люблю ее.

Постепенно я приходил в себя. Все, что меня волновало в Москве, теперь казалось пустым и незначительным. Важно было лишь любить Лену и делать то, что от тебя требовалось. А что от меня требовалось – я должен был решить сам.

Так получилось, что в этот мой приезд домой я, наконец-то, окончательно принял это решение. Помогло мне в этом наше государство.

Дело в том, что мой отец был тяжело болен, ему необходимо было доставать дорогие лекарства. До этого как-то все обходилось, государство более-менее обеспечивало его ими как льготника. Но этой зимой случилось то, что называлось «монетизация льгот», и дорогие лекарства льготникам больше не давали. Это был удар под дых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.